

Катя СИМ

Катя Сим родилась в Самаре в 1991 году. Стихи публиковались в журналах TextOnly, «Цирк “Олимп”+TV», «Флаги», на сайте «Полутона», портале «ГРЁЗА», в антологии «Воздух чист... Книга русской и французской поэзии» (Челябинск: Изд-во Марины Волковой, 2018), в альманахе «Чёрные дыры букв», в поэтической антигазете «Метромост» (Нижний Новгород), самарских изданиях. Куратор региональных литературных акций. Лонг-лист Премии Аркадия Драгомощенко (2019), В «Волге» публиковались стихи (2022, № 1-2).

ВО ВРЕМЕНА ВЕЛИКАНОВ

Повесть

Глава 1

Карл Ельевич рассказывал, как тысячу лет назад, в Персенбурге, в католической купальне рухнул потолок.

Илья мыл ноги в алюминиевом тазу. Взгляд его утыкался то в деревянные балки, то в безволосый живот Юрика, в мягкой ложбинке которого лежала Софина голова. Закончив, Илья вышел из парной в выстуженный предбанник, закутался в край занавески и прислонился к дверному косяку.

Всё-таки не показалось – началось. Луна растёт, становится больше и ярче каждые сутки.

Илья жил на даче в Рождествено с апреля. Юрик, его бывший одноклассник, обитал здесь третий год и никогда не ходил за ворота – даже за водой до колонки. А когда приезжали Софа с Карлом Ельевичем, за ними, как за баржей – чайки, слеталась толпа. Илья в такие ночи не спал – лежал с закрытыми глазами, пока за стеной шумели голоса и звенела посуда. Сейчас, к началу сентября, почти все гости разъехались. Остались две женщины – они здесь были весной; имён Илья не знал: мужчины звали их «дамы», а спросить самому Илье казалось чем-то непозволительным. Бабушка Эльза никогда не задерживалась – привозила на катере хозяев дачи, выкладывала пакеты с продуктами и торопилась уехать.

– Нехорошо задерживать лодочника, – говорила бабушка Эльза.

Ветряные трещотки молчали. Самое время для сна – но Илья не мог лечь, не узнав, увезёт ли его Карл Ельевич в город утром. А гости, похоже, собирались шуметь до рассвета. От свитера Юрика, висевшего в предбаннике на гвозде, пахло овсянкой и солёной тканью, которая долго лежала. От этого запаха Илье вдруг стало спокойней. Был ли запах на самом деле, или Илье хотелось, чтобы свитер пах именно так?

– Во время войны в Японии было довольно много сообщений о странных смертях. Причём все – исключительно в городах с развитой инфраструктурой. На телах людей вмиг проявлялись рваные раны, как от звериных когтей. Несколько очевидцев сообщали о пантере с тигровыми полосами – она проступала из воздуха, замирала в метре от человека – и тот падал замертво.

Илья вернулся в парную. Карл Ельевич рассказывал свой вариант перевода истории из «Торговцев» Надина Шетти, наверное, для двух «дам» – потому что и Софа, и Юрик его слушали по несколько раз за неделю. Воздух парной обжигал. Рука Ильи замерла у занавески.

– Можно? – спросил Илья Юрика, и не надеясь, что тот ответит. Обитатели дачи с ним почти не разговаривали, но будто любили. А Юрик – не любил.

– Я думал, Строителям не бывает жарко, – Юрик дёрнул занавеску так, что часть колец слетела.

До конца света оставалось шесть дней, и даже если получится доделать скафандр по записям Главного – Илье всё равно нужно отыскать мастерскую. Он только надеялся, что мастерская – в Самаре, а не где-то ещё.

– Может, мы лучше возьмём рыженького? Можно? Ну, пожалуйста!

– Нет, Софа, его, к сожалению, не можно. Юрик тут живёт.

Карл Ельевич появился на собственной даче только через неделю после того, как бабушка Эльза в апреле привезла Илью. До того у Ильи, даже с помощью Главного, никак не получалось вспомнить лица бывшего доцента кафедры философии, хотя они с Главным даже закончили первый курс в СаГа и собирались с Карлом Ельевичем издать совместную книгу с двумя разными переводами «Торговцев». В сарае он отыскал коробку с журналами – в подшивке рецептов торчала закладка-газета – на Илью половиной лица смотрел сердитый, седой, полный в щеках мужчина, а внизу крупными буквами было написано «Ель». Трогать чужие книги, кроме пачки самиздата с трактатками «Торговцев» за авторством Юрика и Карла Ельевича, Илья опасался, но в конце марта у него всё же получилось, не без волнения, вынуть газету – сердитый оказался, как и предполагал Илья, бывшим президентом по фамилии Ельцин. Илья не стал заново придумывать, как выглядит Карл Ельевич, и с тех пор в мыслях о нём всё так же всплывал портрет Ельцина, только с надписью «доцент Карл Ельевич».

Настоящий доцент был худой и сутулый, с листьями от венка на груди, рукой в гипсе и длинными перечными кудрями, липкими от мёда.

Софа была некрасивой будто специально – блестящий прыщавый лоб, глаза навывкате, широкий рот со смазанными и обветренными губами; подбородок Софы свисал, как у цыплёнка.

– А он точно-точно Строитель? Никогда мне не нравился, – она ткнула пальцем в Илью, – Обезьяньи руки и подбородок. И он слишком огромный, метра два точно, а у нас небольшой дом.

Под взглядом Карла Ельевича Софа неожиданно смутилась и замолчала, поудобнее устраиваясь на животе Юрика.

– Может, есть какой-нибудь другой Строитель?

– Только этот, – в Илью опять ткнули пальцем.

– Но, Карл Ельевич! Какой из него Строитель? Илья, скажите, вы кушаете по-человечески? – она повернулась к Илье.

– Нет, – осторожно сказал Илья, ведь он не мог знать наверняка, ест ли Главный, когда занимает его место.

– Но спите? Мы все видели, как вы с закрытыми глазами лежите, но кто знает, вдруг спите, а не дело делаете.

– Не сплю, – и ведь почти не соврал.

Сознание бережно хранило отголоски воспоминаний о человеческих снах, где Илья был капитаном космического корабля, бегал в булочную за половинкой ржаного, плавал в аквариуме сквозь резиновые трубки и погибал с армией у стен Города Фей. Сейчас, во время того, что называется сном, одно тело, покинутое сознанием, оставалось в постели, а тень другого перемещалась в мастерскую, где ждал своего часа скафандр.

– Бабушка Эльза считает, что Илье лучше остаться на даче, – сказал Юрик.

– С каких пор эти вопросы решает бабушка Эльза? У неё есть для этого компетенции? – рывкнул Карл Ельевич.

Лучше бы они поговорили об отъезде в город наедине, но возможности не было. Он боялся, что Карл Ельевич потребует объяснить трактатки Шетти или продекламировать тезисы – без Главного он бы запнулся на первом слове. Но Карл Ельевич спрашивал, хорошо ли с ним обращаются, где Илья спит и как переносит утренние прогулки. Илья очень хотел отсесть от него подальше, потому что изо рта Карла Ельевича пахло чем-то кислым и старым, как из плохой банки в погребе. Он отвечал покорно, думая – а вдруг Юрик или бабушка Эльза уже сказали правду? Вдруг Карл Ельевич разочаруется и передумает его забирать в Самару? Юрик вот разочаровался. Юрик и бабушка Эльза вышли на него как на первого переводчика и интерпретатора Надина Шетти, а переводил и трактовал тезисы Главный, который в последние месяцы появлялся слишком редко, чтобы Илья мог сказать хоть что-нибудь вразумительное.

Но Карла Ельевича Илья вместо Главного будто бы не смутил – он пообещал, что завтра к вечеру за ними приедет катер.

Илья лег на постель, не снимая штанов и толстовки. В спальне, забитой матрасами, было привычно тесно. Он закопался в одеяло с головой и попытался заснуть, чтобы успеть хотя бы полистать схемы. Едва Илья взял записи со стола, как его разбудила возня. Рыжий Юрик, пытаясь, перекашиваясь по развалам матрасов и тёрся конопатым животом о живот Софы. Это, конечно, называется сексом, вспомнил Илья. Перемешиваясь с некрасивой Софой, Юрик дурнел сам: его строгая полнота плыла и дряхла. Нос и щёки его надулись и сделались вишнёвого цвета.

Назавтра Илья, Карл Ельевич и Софа уже плыли по Волге на катере до Самары. Карл Ельевич сразу скрылся в кабине у лодочника. Илья уткнулся лбом в лавку на палубе, пытаясь одновременно спрятаться ниже и вытянуть шею, пытаясь хотя бы взглядом ухватиться за берег. Софа молчит, катер качает – вот-вот перевернётся, и он умрёт. Единственный шанс спастись – держаться за твёрдую синюю перекладину. В горле сдавило, тошнота подступила к языку, пальцы сами нащупывали шершавую древесину лавки, ноги елозили по мокрой палубе в поисках опоры. Главный не появлялся больше полугода. Илья был совсем один.

Никто не вышел его провожать, даже Найда, заволжская лохматая дворняжка. Найда каждый день забегала на участок, выпрашивала остатки ужина и позволяла себя гладить и трепать по бокам. Ещё весной Илья соорудил ей кормушку, прикрыв от непогоды старой фанерой. Перед отъездом он отломал кусок фанеры и спрятал в карман потёртых спортивных штанов.

– Могли и перелететь, – сказала Софа, и от её голоса страх и тошнота тотчас отступили, – Вы сами писали в трактовах, что Строители умеют летать. И Карл Ельевич тоже так полагает, – она вытянулась на лавке и уткнулась Илье в плечо. Ветер трепал Софину косичку, сальноватые волосы лезли ему в лицо.

– *«Избегай леса, гор, и большой воды»*, – повторил Илья пятый тезис. Мотор взревел, и катер поплыл быстрее. Илья вцепился в лавку, но не опустил голову, продолжая всматриваться в убегающую полосу острова. – Строители – точно умеют. Но у меня пока ни разу не получалось.

– Цитируете Шетти! Это замечательно. Хотя бабушка Эльза и Юрий Михайлович считают, что делать скафандр – это неправильно и что Вы что-то намудрили с толкованием тезисов. А вот Карл Ельевич полностью Вас поддерживает.

Через пять минут Илья сбежал в кабину – вечернее солнце оказалось злым. Софа осталась на палубе. С каждым мгновением Илья чувствовал, что мастерская становится ближе. Когда катер причалил, он был уверен – скафандр по эту сторону реки.

В половине восьмого киль катера врезался в мокрый песок. На волнорезе толпились люди с рюкзаками, а рядом лежала огромная чёрная собака. Она растянулась на бетоне и высунула длинный розовый язык. Вдруг из толпы со свистом вырвалась искра и хлопнула над головами. Илья и собака подскочили в один миг, и Илья тут же прижался к Софе и Карлу Ельевичу.

Илье купили фисташковый рожок у лоточницы напротив «Пивзавода», а потом усадили в такси и привезли в дом – деревянный, с облупившейся голубой краской, с глухим забором, и уложили спать.

Глава 2

Илья открыл глаза и обнаружил себя лежащим на тёмно-зелёном спальнике с подкладкой в красную клетку. На полу валялась тетрадка, которую он выронил из рук, когда его разбудили вчера днём. Лампочка под потолком широкой и единственной квадратной комнаты мерцала и потрескивала.

Жёсткий скафандр, почти законченный и выкрашенный в ярко-оранжевый, стоял на овощном паллете в углу комнаты. Он крепился к грубо сделанной деревянной арке, похожей на дверную коробку, за рукава и сапоги. Илья с облегчением отметил, что люк в спинке скафандра закрыт. Вдоль стены тянулся железный стол с десятками ящичков, заваленный отвертками, пилками, трубками и обрезками тонкой тканевой фольги. Рядом был стеллаж с книгами и тетрадями – какие-то слова были выведены старательно, хотя чуть напряженно, другие было вовсе не разобрать; но и те, и другие к концу строки сваливались друг на друга, как домино. Над столом висели часы с отколотой минутной стрелкой. Десять минут после полуночи.

Илья встал, подошёл к окну и начал сдирать газеты, которыми были заклеены стёкла. Нужно было озаботиться этим ещё весной, но его всегда будили раньше. Окно оказалось заделанным выходом на балкон. Илья дёрнул на себя дверцу форточки – ручка осталась в руке, а окно не поддавалось. Илья взял со стола плоскую отвёртку, поддел раму и надавил, открыл окно и перелез на уступ с короткой ржавой оградой, едва достающей бедер. Половина балкона оказалась завалена отсыревшими досками, бывшими дверцами и облезлыми ящиками и мешками. В одном из мешков были битые тарелки и статуэтки, в другом – сырой и склизкий комок из книг, к которым прилипла связка маленьких перцев.

А вокруг трещал Океан. Он был пёстрый и злой, с миллионом воронок и вспышек. И он наступал. Всё верно, Надин Шетти так и писал – Океан наступает.

Илья покрепче схватился за раму и запрокинул голову – отсюда казалось, что он – рыбка, смотрит из иллюминатора затонувшего корабля на вихри, которые бушуют вокруг.

Илья сковырнул с подоконника десять копеек и протянул их Океану.

Надин Шетти, 1986. «Когда торговцы белыми ладонями», ПХ. Океан» (пер. Главного)

Давным-давно жили на земле великаны. Они были такими высокими, что могли руками ловить птиц, что летали высоко в небесах.

Людей (в оригинале перечисление, populus, log, народ более точно, но – «великаны» здесь giant, хотя обладают признаками народа по контексту. Прим. И.О.) в те времена не было. Да и как они могли появиться, если великану ничего не стоило раздавить человека (populus, мн.ч., могли раздавить человечество), как букашку? (вольности. Dor-bug – жук-навозник. Прим. К.Е.).*

A long time ago there giants lived on the earth. They were so tall that could catch birds by their hands, that flew high in the sky.

BAHUT SAMAY RAHALE PRTHVEE PAR DIGGAJ RAHATE THE. UNHONNE AASAMAAN MEIN OONCHHE UDAAN BHAREE.

(Несмотря на то что Надин Шетти – хиндустанец, урождённый бихарец, он провёл на родине всего месяц после рождения, после чего с матерью переехал в Ирландию, откуда, после её смерти в 1989 – в Эшер, Англия. К сожалению, документов о его настоящем имени не сохранилось. При усыновлении получил имя Джеймс Оливер Мерсер. Единственный и любимый приёмный сын домохозяйки Аниты Мерсер и Зельмана Мерсера, директора Эшерской младшей школы. Прим. К.Е.)

Судя по всему, целый корпус поэм Шетти были написаны на английском и пословно переведены на некое подобие хинди, скорее всего, с помощью онлайн-переводчика. В биографии Шетти огромное количество белых пятен, но в доказательство того, что Шетти не владел хинди, можно привести отрывок из письма к Анне, его школьной подруге (пер. Илья Обитин).

Я разозлилась, получив эту записку, мы тогда здорово поссорились. Спустя годы жалею об этом, но теперь ничего не поделаешь. Но вы ее почитайте, она правда противная. (Facebook, личная переписка с Анной)

Я смотрю на провалы, на то, как прорези света падают в твою кожу и рассыпаются в ней. Ты рассказывала, твоя прабабушка работала в доме терпимости – и я завидую тебе, ведь ты знаешь свою историю и хранишь во вздохе шепчущую черную мать – она сидит в поле и обтирает лоб тряпичей, смоченной слюной. Мои учителя не дают мне ни моего языка, ни моего цвета – пока мой народ гложет глину, я одет в английскую плаценту бесплодной домохозяйки. Библиотекарь, старый Эдди, не даёт мне книжки по хинди – отчим запретил, я должен учиться

французскому, как мои однокурсники. Что ж. С каждым Jamais, вылетевшим из моего рта, Сент-Девид охватывает пожар – ведь времени нет. Jamais – и форт загорается в сто, тысячный раз – столько, сколько я пожелаю.

Лампочка затрещала и хлопнула. Илья, сглотнув – давно он не делал этого, да и не был уверен, что в этот раз получится – перегнулся через перила балкона и погладил то, что сейчас было очертаниями ближайшей воронки. В этот раз воронка сопротивлялась сильнее обычного – он едва смог ухватить вязкий, будто вымученный цоколь новой лампочки-груши. Она, и правда, походила на сморщенную, кособокую грушу, – такие дают старые, передержанные деревья.

Поменяв лампочку, он торопливо заклеил окно, провожая монетку – та застыла у вертикального берега, вдруг резко качнулась, блеснула ребром и унеслась, подхваченная бегущей воронкой, крошечной, будто кухонной.

– Будет ли лампочка работать?

Главный бы точно рассердился, если бы услышал бормотание Ильи. Конечно, она светится. Иначе просто и быть не может – с подарками Океана.

Работал Илья только во время сна. Перед работой он обязательно не меньше чем полчаса читал записи Главного – схемы по скафандру и переводы и трактования «Торговцев» Шетти. Судя по записям, собирать скафандр Главный начал два года назад, в октябре две тысячи шестнадцатого года.

Илья перевернул страницу. Уставился на лист в клеточку со схемой гермошлема и тщательно прорисованными гофрированными трубками. Смял.

Илья не понимал большую часть написанного. Не понимал – даже с такими аккуратными картинками. Неужели это действительно писал он сам?

Часть шурупов, гаек, отвёрток, прокладок были подписаны и аккуратно лежали по баночкам и коробкам. Запасные трубки и шланги – в герметичных пакетах, в больших ящиках. Но многое было просто свалено в кучи по ящикам – обитатели дачи всегда будили Илью раньше, чем он успевал разложить всё по местам после работы.

Илья был зол на Главного. На того, первого, Илью. Главный думал, что предусмотрел всё – кроме того, что скафандр придётся доделывать не Главному, а тому, что от него осталось – глупому, маленькому огрызку.

Долго злиться Илья, конечно, не смел. Он поднял тетрадь, поставил на стеллаж и подошёл к углу, служившему кухней.

Илья присел на корточки, открыл крышку голубого чайника и понюхал – вода протухла, хотя Илья вновь не понял, есть запах или он только его вспоминает. Рядом, на электроплитке с двумя конфорками лежала коробка чая в пакетиках и банка кофе. В углу стояли две коробки с говяжьей тушёнкой. Если бы он смог вынести её из мастерской, отдал бы половину бабушке Эльзе – она о них много заботится, и на свою пенсию покупает продукты.

Илья набрал в чайник свежей воды. В раковине обнаружилась тарелка и ложка – единственный столовый прибор в мастерской. Ножей и вилок не было – как минимум, Илья так и не смог их найти.

Чайник не успел закипеть. Илья насыпал кофе в кружку прямо из банки и залил тёплой водой, мутной, как запотевшее зеркало. Пыльный вкус даже не задержался во рту. Может, чувствовать вкус – привилегия первых, или, хотя бы, не спящих? Или второе тело – не совсем настоящее, и оно нужно только для того, чтобы собирать скафандр, пока основное – спит?

Илья поёжился. Хорошо, что Главный не слышит, что он думает о еде и других пустяках, а не разбирается, как присоединить кислородный баллон. Главный Илья был бы им недоволен.

Илья вернулся в комнату, взял со стеллажа пузатую тетрадь, похожую на цветастую больничную карту. Записи ручкой шли вперемежку с вырезками из газет и журналов и распечатанным на принтере текстом.

Юрик на даче не ругался и не шпынял Илью, только когда заставлял его за чтением «Торговцев».

«Неправильно ждать инвалидом. Береги своё тело. Только вынужденно входи в машины; срежай волю чужого случая. Избегай леса, гор и большой воды – всё, что больше тебя, тебя и сотрёт».

Илья и берёг. Луна упадёт восемнадцатого сентября, в девятнадцать тридцать два. Луна упадёт, и тогда рорилус поглотит Океан Наступивший.

По расчетам Главного, скафандр должен был быть завершен к середине мая. Сейчас – двенадцатое сентября. Илья боялся, что не успеет закончить его за несколько дней.

Позавчера он, наконец, разобрался с герметиком и промазал швы на скафандре. Настроил регулятор давления. Через два дня останется нанести свинцовую сетку и обшить гермошлем фольгой. Главный сделал пометку: «от ветра». Будет ли в Океане ветер? Присоединить баллон – и, наконец, всё.

Илья погладил себя по шее, потом по щекам, потом – по рукам, по каждому пальцу, и только тогда успокоился. Высунуть кончик языка и прикусить, а указательный и средний пальцы сложить в ложбинку на горле (во сне – без пульса).

Часы показали половину второго. На даче Илья пытался спать днём, урывками – но днём его в любой момент могли разбудить. Днём что-то делать было опасно, поэтому днём в мастерской Илья только читал. Что если не успеть выдернуть из розетки паяльник или выключить воду? Илья бы не стал рисковать – ни пожаром, ни разоблачением, если ненароком затопит соседей. Они были там, точно был дворик с качелями и песочницей, окно напротив с одеялами на верёвках. Сон скрывал их от взоров Ильи так же, как скрывала явь от них Наступающий Океан.

Соседние дома были старой постройки – такие могут быть только в центре, недалеко от больницы Пирогова, хоть это он знал, и это должно сильно облегчить поиски – ведь Илья никогда физически не был в своей мастерской.

Через мастерскую неторопливо прошла Софа в халате с полотенцем на голове. Она была почти невесомой, прозрачной; прозрачность шла Софе, она делала её интереснее. Запахло тушёной капустой. Софа прошла сквозь стену рядом с окном. Раздался глухой всхлип – и будто бы снизу. Заиграла неприятная музыка. Софа снова вошла в мастерскую сквозь стену, держа в руках две бледно-салатовых супницы.

– Илья, Вы капусту хотите? – Софа включила свет.

Рывок. Он открыл глаза, ощущая себя карандашом, который грубо швырнули в пенал.

– Давайте.

Он бы всё равно не заснул.

Илья лежал на диване. Колочее одеяло без пододеяльника болталось в ногах. Комната, в которой его вчера поселили, была длинной и узкой. Бумажные обои местами отходили от стен, но это ничего – в его мастерской обоев вообще не было. На потолке, со стороны окна, от угла расплзалось коричневое пятно. Стул, диван, лакированный двустворчатый шкаф с зеркалом на дверце – для Ильи, привыкшего спать на полу последние лет десять, мебели было слишком много. Илья заметил, что под шкаф подложена книжка. С потолка перед диваном низко свисал оранжевый бумажный плафон. Софа пригнулась, нырнула под плафон и уселась Илье на голенища.

– Можно музыку выключить?

– Это же Цой, – Софа грубо всунула ему супницу. Есть обычную еду Илья, конечно, не мог, но супницу взял. Вдруг Софа разозлится, если не взять? Софа стянула халат с плеча и оголила правую грудь. – А вы, Илья, разве «Кино» не любите?

Она оголила вторую грудь, но медленней и будто сердито. Грудь была длинной, со смазанными сосками.

– Илья, а вы можете сделать меня Строителем?

Илья не мог. Второй тезис запрещал спасать других. Но ведь Шетти, когда придумывал эти тезисы, не был знаком с Софой. Её, некрасивую, было жалко.

Софа, не дожидаясь ответа, навалилась на него всем телом и уткнулась шеей Илье в лицо. Илья не без усилий отставил супницу на пол и укусил Софу. Посасывая ранку, он думал, что

спасти Софу было бы правильно, но спасать нужно как бы не до конца. Слизовать её кровь оказалось несколько обременительно. Илья с интересом пожамкал одну из длинных грудей. На ощупь – носок, в который насыпали гречки. Софа сидела на нём верхом, а Илья недоумевал, как же так получилось.

– Карл Ельевич спит, – прошептала Софа и начала перебирать волосы на груди у Ильи.

Это он зря спит, подумал Илья.

– Кстати, вы похожи на грустную мышь. У вас глаза такие, близко посаженные. И снулый нос.

Его гладили по плечам в россыпи серых веснушек. Илья вытянул голову и заглянул в зеркало. Зеркало отразило его дряблый живот и мягкие, губчатые ягодицы. Софа и его сделала некрасивым.

Из-за стены раздался стук, такой глухой, будто стучали через подушку.

Сбросив Софу, Илья сел на кровати.

– Не обращай внимания, это на кухне, – Софа вновь попыталась залезть на Илью, но тот выскочил в коридор.

– Не топай! – Софа побежала за ним. – Полы скрипят! Карла Ельевича разбудишь!

Илья стукнул по выключателю и толкнул дверь, оклеенную полосатыми обоями.

На полу, рядом с ведром и швабрами, сидел подросток – девочка или мальчик? – в спортивном костюме, держа ложку и опустевшую супницу. Лодыжки были закованы в кандалы, цепь от которых шла к дальней стенке кладовки. Подстилкой служила зимняя куртка. Вторую, жёсткую и безразмерную, подросток примостил за спину, сидя в ней словно в пещере.

Илья схватился за лоб. А ну как и его закроют в кладовке? Может, Карл Ельевич тоже, как и бабушка Эльза, вдруг решил, что скафандр последователям Шетти ну совсем ни к чему? И ведь действительно – за все часы, пока он в Самаре, они ещё ни разу не говорили о Тезисах... Главный бы разобрался сразу. Он был умный, не то что Илья.

– Ой, точно, – Софа пробежала взглядом по полкам и повернулась к Илье, – покормить – покормила, а воду забыла.

Она ушла на кухню и вернулась с пластиковой бутылкой.

– Пей осторожно, вода из холодильника, – Софа протянула подростку бутылку и потрепала его по голове. – Долли, поздоровайся. Это дядя Илья. Он будет жить с нами.

Подросток кивнул.

– Смотрите, какой молодец, – похвалила Софа. Куртка-пещера напомнила Илье картинку с вертепом – он видел такую в одной из книжек в доме на острове. Вспомнив католиков, он бросил взгляд на потолок. На вид крепкий, но кто его знает.

– Почему ты в кладовке? – спросил Илья и тут же притих – вдруг спрашивать не разрешается.

Подросток сделал несколько быстрых жестов – будто вязал на спицах; сложил руки в домик над головой и кивнул. Софа нахмурилась.

– Плохо! Илья, вы поняли, что Долли имел в виду? Нет? Карл Ельевич узнает, какой ты лентяй, – сказала она и повернулась к Илье. – Понимаете, у Долли нет никакого права произносить слова. Каждое слово, – она строго посмотрела на Долли, – нужно сперва заработать.

– Заработать?

– Карл Ельевич считает, что детям слишком легко достаются слова. Вот, например, стул и солнце. Они не понимают связи между коробком спичек и слишком большими туфлями.

Из комнат донёсся храп. Илья поёжился. Он надеялся, что храпит Карл Ельевич, а не другой подросток, например, с антресолей.

– И, конечно, битьё. Все эти законы – Шетти писал, что законы о ненасилии когда-нибудь приведут нас в новый фашизм. Вы так не считаете?

– Конечно, Шетти прав, – сказал Илья.

– Ударьте его, пожалуйста. Вы же не хотите, чтобы он вырос фашистом?

Илья легко пнул Долли в бедро.

– Теперь ему можно разговаривать?

– У Шетти написано, что он вынырнул в слово в девять лет, но испугался, услышав, о чём говорят птицы – и стал говорить о себе. Другим он рекомендовал – точно помню, сожрать свой язык до четвертого поцелуя. Вам хочется поцеловать Долли?

– Наверно, не хочется...

Конечно, ему следовало бы быть хорошим гостем и ответить, что ему хотелось бы поцеловать её, а не странного подростка из шкафа, но на всякий случай Илья прикусил язык.

– Тогда не спрашивайте ерунды.

Глава 3

С утра в туалете Илья наткнулся на мятый конверт с квитанцией за свет, на пятьдесят пять тысяч семьсот рублей, на имя Карла Ельевича. Конверт лежал в кипе газет в тряпичном кармане с бисерной вышивкой стрекозы, приложенном к туалетной двери на кнопки. Так Илья узнал, что живёт в Ленинском районе, на улице Арцыбушевской.

Зря Карл Ельевич не платит за дом. А если к Карлу Ельевичу придут судебные приставы и увидят Долли?

Илья засунул квитанцию в задний карман спортивных штанов.

Коридор освещал мягкий утренний свет, доносившийся с кухни. Илья, осторожно перебирая тапочками скрипучие половицы, шёл по спящему дому. Семь утра – на даче все уже час как проснулись.

Прямо за входной дверью начинался коридор, а по его правой стороне шли три спальни. Илье постелили в той, что напротив кухни. В дальней обитал Карл Ельевич. На ручке двери в среднюю спальню висел колокольчик, привязанный за тонкой красную ленту.

Илья постучал и приложил ухо к двери. Колокольчик звякнул. В спальне что-то упало с глухим стуком, раздалось недовольное бормотание, но почти сразу стихло. Илья стал стучать дальше. Колокольчик заливался. Наконец, Софа высунула растрёпанную голову в щёлку двери.

– Ночь, – она зевнула лягушкой. – Идите к себе, Илья, – причмокнула после «ль».

Илья вытащил счёт за газ из кармана и немного сбиваясь, рассказал Софе про приставов, не забыв намекнуть, что сегодня ему обязательно нужно поговорить с Карлом Ельевичем по поводу поисков мастерской. Софа забрала конверт и пообещала со всем разобраться, как только проснётся. Потрепала Илью по волосам, провела пальцем по его переносице и захлопнула дверь.

Это был настоящий дверной лабиринт – три спальни, гостиная, – четыре двери, а ещё семь – в кухню, кладовку, маленькую кладовку, душевую, туалет, и две потолочные антресоли. Лестница на второй этаж оказалась заколочена досками. В кухне тоже была россыпь дверец и ящиков, набитых посудой и разномастными ложками.

Книжки в гостиной пахли капустой. Илья погладил шершавый корешок «Приключений Пинокио». Книжки были расставлены в шкафу по размеру и будто присыпаны сахарной пудрой – белой и липкой.

Он бродил по дому и, кажется, разбудил Софу – а та разбудила Долли и отправила обоих принимать душ, а сама начала готовить завтрак. Долли ступал осторожно, ссутулясь и будто крадась, не издавая ни звука. Под огромными босыми ступнями Ильи половицы беспощадно покачивались и пищали, как если бы он шёл по живым мышам. Проснулся Карл Ельевич – из кухни, под шкворчание и звон посуды, доносился негромкий спор о булавке – нужно её носить на халате, или ни в коем случае.

Илье казалось, что вода тёплая, но Долли дрожал и скрипел зубами, поэтому Илья выкрутил кран горячей на полную. Душевую заволокло обжигающим паром, только Долли всё равно было холодно. Он стоял на краю поддона, сцепив ступни, покачиваясь и бормоча.

Софа распахнула дверь душевой.

– Зеркало запотеет, – она сердито помахала рукой, разгоняя пар. – Сегодня занятий у Долли не будет, Карл Ельевич ушёл на работу.

С ней был незнакомец в блестящей вишнёвой рубашке и соломенной, не по сезону, шляпе-федоре. Так ли выглядят судебные приставы? Незнакомец поздоровался с Долли и спросил Софу, правда ли, что Илья – настоящий Строитель.

– Правда, – сказала Софа, – только он не летает. А я с детства мечтала летать.

– Если я захочу полетать, то полетаю с крыши «Терры».

Долли стал бормотать громче воды, бьющей о железный поддон.

– А по губам? – её рука отпружилила. На Долли, наверно, не действуют Софины прикосновения – Долли как был красивым, так и остался. – Опять не промыл голову, – она запустила ему в волосы пальцы и дёрнула. На пальцах, действительно, осталась пена, мелкая, как от супа.

– *Дельфин! Треугольник, полив!* – показал жестаи Долли, – как минимум Илья полагал, что он имел ввиду именно это.

Ноздри Софы стали большими. Она похлопала Долли по щеке.

– Ничего не понятно. Кира, может, вы объясните, зачем Долли слова, если он ими неправильно пользуется?

От Софиных рук к воротнику Кириной рубашки тянулись по воздуху чернильные нитки-щупальца.

– Мне бы по поводу кухни, – оборвал её Кира.

– Что опять с кухней?

– В вашей части дома она хотя бы есть... Нет, что плиту купили – спасибо, я хотя бы не бегаю к вам по десять раз. Но две конфорки? Я, мать, давно не студент, чтобы так жить. И микроволновку с телевизором нужно поставить. Я десятку плачу, считай, за одну только кровать. Ноутбук – свой, чайник – и тот свой. Стирать к вам хожу – тоже не дело. Вот плюну и съеду в общежитие. Мы же нужны друг другу. У вас – отличный дом, а я – отличный сосед, – он подмигнул.

– Зачем вам телевизор, Кира? Вы только что сказали, что у вас есть ноутбук.

– Иногда нужно просто упасть в кресло, взять пульт и отключить голову. А ноутбук без интернета. Триста рублей занять хотел, на модем положить.

– Могу только сто.

– Мне нужно отчёт до вторника отослать. Отошлю, денег перечислят – и сразу отдам.

– Ну, сто пятьдесят.

– В этом месяце, мать, я могу подать на грант по смене поэтического метода. Я всё расписал – в этот раз метод на восемьдесят тысяч! Не на десятку! Тоже нищевродски, но, если одобрят – построим веранду, как в нормальных домах. А потом я вас покину и к морю, в солнечный Красноярск, – Кира раскинул руки. – Я буду скучать по вам. Только обоснование осталось выслать вместе с отчетом. А то год придётся ждать, чтобы снова подать. Понимаешь? Целый чёртов год! Восемьдесят умножаем на двенадцать, итого девятьсот шестьдесят тысяч; минус двести сорок в год, это я наизусть помню – получится минус семьсот двадцать тысяч рублей.

Софа закусила губу.

– Кира, я этих сегодня к вам отправлю. Эльзе достались билеты в Костёл, а она отдала нам. У нас сегодня, между прочим, юбилей, – добавила Софа.

Кира присвистнул.

– Долли, ты приготовил подарок? – весело спросил он. Глаза Долли стали круглыми, как монетки. Он наклонился вперед, охнув; нога соскользнула с бортика душевой, но Илья успел подхватить Долли под руку. Долли отошёл за дверь и, ссутулясь, обхватил себя за плечи, будто кутался в невидимое полотенце.

– Мальчики, мойтесь. Кира, пойдёте, – Софа легко подтолкнула его в сторону выхода, – будем кормить ваш интернет.

Илье совсем не понравился голос Софы.

– Но микроволновка нужна в ближайшее время, – сказал Кира перед тем, как они с Софой вышли из коридора в тамбур, прикрыв дверь – голоса стали еле слышны.

Лицо Долли, и так красное от горячей воды, пошло пятнами. Он закрутил краны и откинул с лица мокрые пряди. Вода втянулась в слив – сам Илья бы сделал это чуть осторожнее, придерживая поток пяткой – замечал ли Долли, что трубы всегда звучат неприлично?

Долли стянул со змеевика сразу два полотенца, быстро вытерся одним и бросил его Илье, а сам завернулся в сухое. В коридоре раздался грохот и визг. Софа пронеслась мимо душевой, громко ругаясь и непонятно к кому обращаясь – отвечать Илье не решался.

– Он занимается творчеством? вот пусть им и занимается, а не кухней, и деньги ещё занимает! Дома война со всем, что окружает, всё через жопу, вот это самое! В ванную заходишь – он за тобой лезет, вперёд тебя ногу задирает! Дай то, дай другое!

Долли отвели в кладовку.

Завтракали на кухне вдвоём с Софой.

Несмотря на опасения Ильи, за столом Софа весело болтала и даже положила Илье двойную порцию омлета. Илья сделал вид, что ест, а вот какао с молоком действительно выпил.

– Илья, представляете, – Софа хлюпнула дымящимся какао, – сегодня Карл Ельевич поведёт меня на орган, а я о косяк в прихожей всю левую ногу ниже колени ободрала, – сказала она, – как назло, на самом видном месте. А хотела платье надеть. Я так редко платья ношу. Как думаете, мне подойдёт платье? Я оденусь и покажу – а вы скажете, только честно, идёт или нет.

Платье Софе не шло.

– Очень идёт, – сказал Илья, разглядывая длинную алую водолазку в блёстках и складки на животе.

Он вдруг представил Софу в своей мастерской. Как она входит в скафандр, покачиваясь, словно медуза в море.

Софа достала из холодильника тубик и протянула Илье.

– Намажьте.

Он присел, хотя с его ростом это помогло не слишком, и поводит ладонью с зеленой, шершавой мазью по Софиной лодыжке. Софа клонула Илью в макушку.

– Безобразно, Илья. Где половина волос?

Она выдвинула ногой из-под стола корзинку с овощами, взяла тыкву, похожую на гигантскую грушу, и надела на неё целлофановый пакет. Стянула полотенце со спинки стула и разложила на полу; поставила тыкву на полотенце, открыла бутылку с маслом и полила – пакет сверкал, переливался тысячей крошечных треугольников, кухню заполнил жёлтый – тыква, масло, Софины маслянистые пальцы, которыми она сняла трупы, росинки на кудрявом лобке. Софа села на тыкву.

Проём в тамбуре, ведущий в левую половину дома, был заколочен фанерным листом.

Софа шла впереди Ильи. Она опять переделалась в домашний халат с булавкой на нагрудном кармане. Илья не мог вспомнить, была ли булавка ночью. Софа вела Долли, держа стальную цепочку от кандалов за карабин.

Деревянный двухэтажный дом на треть просел. Илья, выходя, пригнулся, чтобы не удариться о косяк – они будто выбрались из подвала. Вязкий запах тушёной капусты остался внутри. Полуденное солнце полоснуло по коже – горячо, но и только, хотя Илья не решился бы выходить днём, не укутавшись.

Взгляд тут же упёрся в глухую стену соседней трёхэтажки. Стена из бурого кирпича поросла диким виноградом – он наполовину засох, кое-где оборвался и торчал неряшливыми клочками. Со стороны улицы асфальтированный двор был огорожен высоким забором; на калитке висел замок. Канареечный, с резными белыми наличниками, дом был похож на пряник. Через двор, от дома к задней ограде тянулись бельевые веревки, почти как за окном во сне, Простыни и полотенца покачивались на ветру. На одной из веревок тоже висел ковёр. Над оградой вставала стена из высоченных клёнов – Илья, если бы точно не знал, что дом находится в городе, решил бы, что позади лес.

Софа дёрнула на себя цепь. Долли полетел с крошечного крыльца, зацепил табуретку у соседской двери и растянулся по земле. Софа остановилась.

– Извините, – сказал он, не поднимая головы. В его волосах, до сих пор влажных, запуталась ветка с пожёванным кленовым листком.

– Иди сюда, – Софа раскинула руки и поманила Долли. Долли, чуть помедлив, шагнул к Софе. Она улыбнулась и смахнула ветку с его волос.

В левую половину дома вела железная дверь в рамке из монтажной пены – она смотрелась приклеенной. Может, уже и там, за порогом, проявится Океан? Илья поднял табуретку и вернул на место упавшую с неё тёмную каменную пепельницу в виде головы голубя.

Софа нажала на ручку – было открыто.

В комнате, широкой и светлой, были распахнуты все окна; тюли на леске сдвинуты под самый край. Кровать в дальнем углу усыпана подушками. Трёхъярусная и отчаянно пыльная люстра-торт стояла на подоконнике; единственная голая лампочка висела под потолком. Кухней служила раковина и стол с чайником и электроплиткой с двумя конфорками, такой же, как у Ильи в мастерской.

Шкафа не было – две рубашки, шляпа, полосатый шарф и пальто умещались на дощатой вешалке, прибитой к стене, а бельё низкой стопкой лежало на прикроватном стуле. Стена над кроватью была оклеена плакатами с Майклом Джексонem и красивыми девушками в купальниках.

У входа на коврик стояли две пары туфель – лаковые мужские, с длинными загнутыми носами, и женские, растоптанные и крошечные. К стене, почти у пола, было приделано чугунное кольцо, на котором висел гаражный замок.

Кира качался в кресле-качалке и курил, стряхивая пепел от сигареты в пепельницу, которую держал в руке. Пепельница тоже была точь-в-точь как на входе, с головой голубя, только из белого камня. Маленькая кудрявая женщина в очках потягивалась на ковре, в гнезде из подушек, и тоже курила. У кресла-качалки стояли три бутылки с шампанским. Кудрявая женщина смеялась чуть лающе и что-то быстро говорила, но замолчала, стоило гостям войти.

Из-за дыма Кира казался прозрачным, – если сейчас дотронуться до него, пальцы точно уткнутся в спинку кресла.

– Кира, – Софа хлопнула дверью, – это вы виноваты, – она выставила вперёд содранную ногу.

– Я? – Кира затушил сигарету и всунул голубя кудрявой женщине.

– Это вы меня разозлили.

Кира махнул рукой.

– Разозлить возможно только того, кто сам этого хочет. А синяк смогу залечить. Столбов, мужик, который мне сейчас спину лечит, пару штук показал. Я, конечно, не умею, как он, в одно касание снимать боль. Там всё дело в силе намерения...

– Забирайте, Кира!

Софа пристегнула карабин к кольцу у пола, убрала ключ в карман с булавкой и хлопнула дверью.

– Никогда не здоровается, – сказала Кирина гостя. – Привет, Долли! Много слов выучил? – она привстала с подушек и потянулась. – Его жалко на самом деле, – сказала она Кире. – Я всё время думаю – а вдруг на его месте была бы моя дочь? – она отхлебнула шампанское из бутылки и фыркнула, брызнув пеной на ковёр и подушки.

– Галина, твою мать, – Кира хлопнул себя по коленке. – Бери тряпку и вытирай. И Илье налей!

Галина скорчила рожицу, но тряпку взяла. Илья опустил на край ковра.

Галина взяла со стола кружку, плеснула шампанское, едва успев отхлебнуть лишнюю пену, и протянула Илье. – Одوبرили! Не восемьдесят тысяч, конечно. Но и сорок – целая куча денег! Кир, это ведь тот Строитель, правильно? Ему разговаривать разрешают?

– Кто ж ему запретит... Долли, и тебе сегодня можно, пока Софа не видит, – он откинулся в кресле. – Отмечаем!

Илья залпом выпил шампанское. Какое тяжёлое, оказывается, у него было тело – после шампанского стало намного легче. Галина, пролаяв, снова налила ему чашку. Долли молча стоял, прислонившись к стене и сложив руки в замок.

– Долли, тебе шампанское не дам, уж прости, – рассмеялся Кира, – Софа со мной тогда знаешь что сделает?

Галина потянулась к пачке сигарет у Киры в кармане. Кира легко хлопнул её по рукам.

– Тебе жалко? Ты теперь сорок тысяч в месяц получаешь.

Кира накрыл пачку ладонью.

– Сорок – это подачка. Но сегодня я добрый, бери, – он подкинул пачку – Галина поймала её на коленки.

– Что отмечаете? – спросил Илья, удивившись своему голосу – тот будто звучал из другой комнаты.

– Кира – поэт, – быстро сказала Галина. – Шесть лет назад его взяли в государственную программу поддержки.

– С сектантским названием «Зелёная дорога». Почему она, черт возьми, непременно зеленая? В сосновом лесу? И какого черта я должен переть через лес?

– А меня не берут.

– Да там всё просто. Нужно только расписать метод работы, чтобы получать поэтическое пособие. Если метод одобряют – отчитываешься раз в квартал. На что деньги потратил, что написал. Деньги раз в месяц перечисляют. По написанному – смотрят за год. А смету составляют исходя из метода, что указываешь в заявке. Если метод за год не дал результатов – выпинавают. Там комиссия...

– А Кира – седьмой год в программе!

– Ага. Только я долбоящер. Вот Недецкий правильно заявку оформил. И сразу на сто тысяч. Второй год в Адлере загорает, а я в Самаре торчу. Потому что я написал в первой заявке, что собираюсь стать как русские Рембо и Буковски. Пить и смотреть на женские... ну, не совсем, как Рембо. Вот мне и дали десятку. На что написал – столько и дали. Я и сейчас хочу, да только комиссия сейчас не приветает алкооптики. Да и рифму им подавай... Хотя не знаю точно, тут за месяц уже повестка меняется... А я, дурак, тогда обрадовался.

Илья подсел к подушкам. Галина опять наполнила его чашку.

– У меня Руслан получает двенадцать тысяч, – сказала Галина. – А ты зажрался.

– Стоп, какой Руслан?

– Муж мой, Кира. Доброе утро.

– Так был же Тимур?

Галина цокнула языком и хихикнула.

– Тимур был два года назад. Ты каждый раз спрашиваешь. Он – мудака, и отец Ангелины. И он вообще не работал. А Руслан – дружинник. Он – работает.

– Мент? Серьёзно? Нет, мать, ты серьёзно? О чём можно с ментом разговаривать? Ты же поэтесса! Менты, тоже мне... В институте у меня было три уровня деградации – это Егорка, Аркашка и Олежка. Так менты – это Олежка, но в предпоследней стадии. Приходит он такой со службы, и говорит – дай пожрать. Ты ему курицу и сложное стихотворение. А он такой – непонятно. Приходит на следующий день – ты ему мясо и стихотворение средней сложности. Опять непонятно. На третий день – буйабес и стишок, плохонький такой, про девушку, которая гуляла в саду из роз и плакала над каменным сердцем юноши своего. А он такой – вот это понятно, вот это – хорошо, и уже за неделю готова плохонькая поэма. Часть первая – как девушка гуляла в саду из роз и плакала над невинно убитыми полицейскими. Часть вторая – как полицейский гулял в саду из роз и плакал над невинно убитыми полицейскими. В третьей части все превращаются в розы, стишок снова становится неплохим, а менту опять становится непонятно. И круг этот не разорвать...

– Ага, только мне всю жизнь в лицо плевали именно интеллигентные тряпки, – сказала она, – нет, я тебя в виду не имею. Ты, скорее, исключение, – она задумалась. – А военные и полицейские как раз ни разу слова плохого не сказали. На руках носили. Цветы дарили. От

мужчин мне, знаете, не разговоры нужны. А ваши интеллигенты даже не знают, как доставить женщине удовольствие. Зарылись в книжки и пишут о том, как перекачивать камушки. И выясняют, у кого камушки интереснее.

Илья рассматривал свои коленки. Он вдруг явно ощутил, что за его спиной стоит Главный.

– Порноактрисе Саше, – Кира ткнул пальцем на стену с плакатами, – нужно много качаться, чтобы работать там, где она работает. Так и интеллигенту – нужно много читать.

Илье хотелось поговорить с Галиной и Кирой. Он открыл рот и тут же закрыл – Главный опустил тяжёлую ладонь Илье на макушку.

Телу стало легко. Он не чувствовал больше ковра под собой.

– Илюха, вот ты читать любишь?

Вопрос застал Илью врасплох. Он молча пожал плечами. Главный, может, любил. А Илья читал только схемы к скафандру, и немного «Торговцев».

– И правильно. Вот и я не люблю. Нужно. Но не люблю. Видишь, только одна книга на столе? Марк Косонри. В двадцать седьмом эмигрировал во Францию. Писал исключительно сказки. А остальное – на прошлой съёмной квартире. И пару книжек скачал на ноутбук.

– Электронные книги совсем не то!

– Ты мне заявку скинула? Я посмотрю и поправлю. В следующем году точно возьмут.

– Отклонят. Я не вписываюсь в форматы, – сказала Галина. – Я видела, кто там председатель отборочной комиссии. Константин Мухин. И я не вынесу этих ваших комиссий. Письменно – было бы можно, но так... А если меня станут ругать? Я им отвечу. Ой, как отвечу. Потому что это меня ругают, а не просто стихи... как вы можете разделять? Ведь стихи – и есть я. Я пишу, что чувствую, не пытаюсь что-то доказать ни читателям, ни комиссиям... Но читатели всё равно меня благодарят. Сами находят и благодарят. Я не собираюсь подстраиваться и писать в заявке неправду. И мне плевать, насколько мои стихи звучат ново, если от них люди смеются и плачут... Вот сейчас я пишу «Песню русалок». Это поэма о женщинах.

– Балда ты, мать. А про русалок лучше Марка Косонри никто ещё не писал. В «Морском дереве», например, которое пожирало русалок.

– Да что мужчина может написать про русалок? В моей поэме русалка сидит на дне и считает зёрна граната.

– Гранат растёт в море? Полная чушь.

– Это не чушь! Я же говорю, зёрна граната! И она их не ест, а нанизывает на бусы!

– С косточками?

– Кира, ты идиот? Илья! – Галина вдруг вскочила, уронив кружку – но Кира на этот раз ничего не сказал. Кира сам застыл в кресле-качалке и, кажется, не дышал вовсе. – Ты же летишь!

Илья опустил глаза – он и правда парил в метре над ковром, поджав под себя ноги. Илья обернулся – Главный исчез, а Долли всё так же молча стоял, прислонившись к стене, и хмурился – с его девочкиным лицом это смотрелось забавно.

– А Софа утверждала, что Илья не летает, – Кира вмиг оказался рядом. Он поводит ладонью под ним, пару раз задев по ногам. – Он лёгкий, такой лёгкий, будто облаком вмазался!

– Это надо отметить, – Галина нырнула под письменный стол и вытащила коньяк.

Илья час катал хохочущую Галину по комнате, хотя, может, и дольше, – Кирины настольные часы шли немного медленнее, чем нужно. Галина висела на нём, обхватив шею руками. Илья в очередной раз оттолкнулся от пола и взмыл под потолок. Галина болтала ногами, хотя Илья предпочёл бы, чтобы она не делала этого – он терял равновесие и пару раз едва не расшибся. Кира растянулся на ковре, как кот, тянул из чашки коньяк и улыбался. Кира не переставал улыбаться, даже когда Галина зацепилась за белую тюлевую занавеску, сорвала её и надела на голову.

– А ты, Илюха, – спросил Кира, когда Галина у самого пола спрыгнула на подушки, а Илья так и остался висеть в воздухе над ним, – как мои арендодатели? Тоже веришь во всю эту чушь про конец света? Хотя что я спрашиваю – Софья Анатольевна рассказывала, что ты какого-то индусского чудика переводил, переводил, да и сам поверил...

– Поверил, – сказал Илья.

– Я тут по–подумал, – Кира, икнув, поднял указательный палец, – что Анатольевна, похоже, сама не особо верит. Иначе чего сто пятьдесят рублей зажимала, если помирать скоро?

– Можешь не верить, – Илья почти огрызнулся. – Дай выпить, – он пролетел над коньяком, протянул руку и взлетел с бутылкой. Коньяк пах шоколадом, но, почему-то, опять с ноткой капусты. Интересно, он представляет себе эти запахи, или Строители всё же способны их ощущать?

– Что я Анатольевне скажу...

– Да какая разница! – воскликнула Галина. – Она что, указ? – она встала и отобрала у Ильи бутылку. Та оказалась пустой. – Нужно ещё. Пойдем.

– Вместе? Ключ от кольца у Долли у Софы.

– Ну, Долли оставим тут. Он никуда не денется.

– А если денется?

До бара ехали на такси – минут семь, но Илья успел запутаться в поворотах. Кособокие деревянные домики перемешались с ветхими двухэтажными каменками и коробками новостроек. Илья всматривался в мелькающие дома, но чувствовал, что автомобиль удаляется, едет в сторону, противоположную мастерской. Он ёрзал на сидении, пытаясь спросить Киру, куда именно они едут, но не решался нарушить молчание – водитель, лысеющий, лет пятидесяти, смотрел исподлобья, сжимал руль и стучал кулаком по клаксону, выкручивая громкость радио на полную, едва кто-нибудь пытался заговорить. И то и дело косился на занавеску в кудрях Галины.

Кира одолжил Илье пальто пыльного цвета – пальто оказалось мало и стискивало плечи. И рукава были тесные, короче нужного на пол-ладони. Галина замотала Илью своим длинным рыжим шарфом и отдала крошечную серую шапку с косичками и помпоном. Шапка с трудом держалась на его толстых, как проволока, отросших до подбородка, волосах, задираясь на макушку. Солнечные очки – Кирины – тоже узкие, давили на переносицу и за ушами. Илья чувствовал себя великаном.

– Софа как-то упоминала, что Строители могут плохо переносить дневной свет, – задумчиво произнёс Кира, рассматривая Илью.

– Я не сгорю, или что-то в этом роде, – буркнул он в шарф. – Просто днём, от солнца, будет довольно больно. Дело в том, что мы привыкли работать, только когда спим. А спать проще всего ночью.

– Вот мы и не хотим, чтобы тебе было больно, – сказала Галина перед выходом, приподнялась на цыпочках и поправила на Илье шапку, которая тут же снова сползла.

– А ты уже встречался с другими Строителями? – спросил Кира.

– Никогда, – покачал головой Илья. – Я думал, может, Карл Ельевич тоже Строитель, но он об этом не говорит... Но я уверен, где-то они наверняка есть. Не так уж мало людей, надеюсь, читало «Торговцев». Лет десять назад я хотел сделать сайт, посвященный Надину Шетти, но не получилось – побаиваюсь я этих компьютеров. Но у меня был ЖЖ, там я писал про Шетти...

Такси остановилось. Водитель грубо ткнул в панель счетчика. Счётчик показал сто двадцать четыре рубля. Кира, сидевший спереди, обернулся.

– Давай пополам.

– Что? – Галина округлила глаза. – Илью тоже заставишь платить?

– За Илью как раз заплачу. Потому что он наш... в общем, в любом случае, у него по понятным причинам нет денег.

– И у меня их нет! Мы живём на двенадцать тысяч, которые приносит Тимур! Ты знаешь, сколько стоят учебники и тетради? А я не могу работать, мне нужно писать! И меня, в отличие от некоторых, не поддерживает никакая программа.

Кира, тихо ругаясь, всунул таксисту две сотни – сдачи у того не нашлось. Они втроём выбрались из машины. Илью мгновенно обдало тёплым, жгуче-пряным ароматом, напоминающим запах горчичников. Такси привезло их к кукольному кирпичному городку в башенках и трубах.

– Это пивзавод, – сказала Галина. – Мне нравится, как пахнет солод. Жалко, что готовое пиво совсем не такое.

– Дрянё, – Кира закурил и тут же сплюнул на тротуар. – Мой товарищ из Энгельса говорил, что в Самаре есть три запаха. Это пивзавод, «Шоколадка» и ещё по трассе после Красной Глиники таращит торфом, как из сортира, уже лет тридцать. А я не уверен, какое из этих трёх мест воняет сильнее.

В баре рядом с пивзаводом, «На дне», музыка оглушала с порога. Бар ощущался тесным, хотя заняты были только два столика у окна.

– Сегодня вторник, кто все эти люди? – ворчал Кира, пока заказывал пиво у барной стойки. Он взял кружку светлого и понюхал, почти нырнув носом в пену и сморщился. – Отец, ты краны вообще моешь? – кинул он бармену. – Как в разливайку сходил. Илюха, беру тебе тёмного. Вдруг повезёт.

Илья отпросился в туалет, заперся на щеколду, стянул шарф с носа и умылся холодной водой. Виски пульсировали; писк в ушах начал нарастать. Илья облокотился на крошечную раковину и чуть её не свернул. Он быстро, насколько смог, убрал руки, шагнул назад, поднял глаза и увидел Главного.

Тот смотрел на него из зеркала – такой похожий и такой другой. Илья забегал взглядом по потолку, боясь заглянуть в отражение и увидеть, как Главный разочарованно качает головой. Зажмурившись, он включил воду, вновь сполоснул лицо, открыл глаза и посмотрел прямо перед собой.

Главный смотрел равнодушно. Взгляд его скользил по туалетным плакатам, по картинке с подмигивающей девушкой-ящеркой, а до Ильи ему совсем не было дела.

Илья пропустил момент, когда отражение выпучило глаза и залилось криком. А потом сорвалось и исчезло. В зеркале хорошо просматривалась вся туалетная комната, но больше не было отражения Ильи.

Илья протиснулся в щёлку, опасаясь открыть дверь полностью – нельзя, чтобы кто-то заметил, что он потерял отражение. В баре музыка перекрывала все звуки. Никто из посетителей не смотрел в сторону туалета – значит, крика не слышали.

Кира махнул рукой – они с Галиной заняли стол в самом дальнем углу бара. Илья протиснулся к ним между тесно расставленных тяжёлых столов и стульев. Кира уткнулся в мобильный, пока Галина громко спорила с кем-то по телефону, накручивая на палец занавеску-фату.

– Так, быстро передала трубку отцу.

В углу музыка звучала чуть тише. Кира пододвинул Илье две поллитровых кружки с тёмным пивом.

– Я говорю, приеду – когда приеду. Покорми Ангелину и сделайте с ней историю. Что? Карты. Ты что, карту ребёнку не нарисуешь? Руки есть, нет?

Перед тем как сделать глоток, Илья повел носом, надеясь унюхать солодовый запах, как снаружи, у пивзавода. Пиво пахло пивом. Он сделал глоток – голове стало чуть легче.

– Нет, ты посмотри, – Галина потрясла зажатым в кулаке телефоном, – без меня вообще ничего не могут.

– А тебе не надо домой?

– Нет! – рявкнула Галина, закинув телефон в крохотную сумку. – Я не придаток к ребёнку. И не смей начинать.

Илья допил кружку, взял вторую и, пошатываясь, вышел со «Дна» на крыльцо.

Небо, глубокое и синее днём, к вечеру затянули низкие, пыльные облака. Илья снова зарылся в шарф. Солнце щипало переносицу и запястья, но почти что не больно.

Дорога резко уводила вниз, к Волге. В паре шагов от бара, перед окном с надписью «Пиво» толкалась шумная очередь человек в двадцать. Все держали в руках пустые пластиковые бутылки и канистры. Вниз по дорожке тянулись палатки с сушёной рыбой.

Он шёл к реке. Вниз, по пологому спуску, мимо забора из красного кирпича. Берёзы нависали и давали холодную тень, но закончились, едва начавшись, и Илье пришлось петлять между тесно прижавшимися друг к другу автомобилями на стоянке. Он дошёл до причала,

подпрыгнул, перелетел бетонную ограду справа, и несколько шагов пробежал по воздуху, мягко приземлившись на холодный мелкий песок, пыльный и серый.

Его окликнули почти сразу. Он знал, что зовут его, хотя и постоянно забывал свою фамилию, потому что, стоило этому голосу прозвучать, как Главный встал за его спиной и вновь опустил ладонь на плечо.

Глава 4

– Илья?

Он обернулся.

– Вот это ты постарел!

Она тоже была великаншей – ростом с Ильёю, едва ли не выше. Худая, с темными короткими волосами, в цветочном маленьком платье, похожим на Софин халат; с крупными ладонями и ступнями и длинными пальцами на ногах с голубым облупившимся лаком. В левой руке она держала бежевые туфли, похожие на каноэ.

Он знал, что такое каноэ – это так удивило Илью, что он почти позабыл о великанше.

– Доброе утро! О чём задумался? – она нависла над ним, закрыв спиной солнце, проступившее из-за туч. – Совсем не рад меня видеть.

– О каноэ, – ответил Илья, – Рад, – быстро добавил, пока Главный не успел одёрнуть. – Они как-то связаны с коробком спичек, но я никак не могу вспомнить, извини, – великанша взъерошила свою крошечную чёлку.

– Точно, – она сдула волос. – Ты говорил, кто родился здесь, лет до двенадцати мечтают построить плот и пройти по Волге, как по Миссисипи. После двенадцати – мечтают переплыть её без страховки. Но почти никто никогда не решается.

Илья кивнул.

– Это Саша, – шепнул ему Главный на ухо. – Вы почти десять лет не виделись.

Илья поднялся, стряхнув песок с пальто. Даже босиком великанша была на пару сантиметров выше Ильи.

– Говорил, точно, – соврал Илья и подумал, как, наверное, глупо выглядит в крошечной шапке с косичками. Главный чуть надавил пальцами на плечо. «Только бы не закричал». Илья зажмурился и стряхнул его руку с плеча.

– Извини, – повторила Саша, и Илья вдруг вспомнил, как во время их встреч она извинялась каждые пять минут, – Очень милая шапка. Погуляем по пляжу? Я как раз освободилась с работы, – она нырнула в рюкзак и вытащила мобильный. – Ой, ты страницу вконтакте снёс? Я не знала, прости! Это мило, – Саша фыркнула, снова нырнула в рюкзак, вырвала лист из блокнота на пружине, что-то написала на нём и всунула Илье в карман пальто. – А я сейчас в спорттоварах работаю, – она широко шагнула – её пара шагов почти заменили бы мост через Волгу. – Там такие клёвые штуки. Ты видел настоящий компас? Я в них почти не разбираюсь, но компасы точно клёвые. Ещё крутки всякие, колёса, гантели... Я не могу работать за компьютером. У меня голова кругом идёт, когда я не могу потрогать то, с чем работаю. Когда разбираю товары в зале, обязательно кручу колёса на подвешенных к стене велосипедах.

Илья разулся и подхватил кроссовки за шнурки. Они шли вдоль берега, ловя на ноги края набегающих волн. Ступни немели – к ним точно привязали по холодному мячику. Наверху, по мощёной набережной, гуляли люди, но сам пляж был пуст – только у буйков плавали, визжа, двое мальчишек, и в кустах у волнореза засел рыбак с удочкой, буханкой хлеба и пластиковым ведром.

Небо затрещало и прорвалось, как простыня. Звук настиг и теперь падал. Илья поднял глаза и увидел низко летящий самолёт. Главный упал на песок и закрылся руками. Илья мог только надеется, что Алёна этого не увидит.

– Самолёт? – как можно ровнее спросил Илья, поглядывая на Главного – тот по-собачьи копал песок, пытаясь зарыться. – Над городом? – голос всё-таки дрогнул.

– Недавно сделали дополнительную траекторию на посадку. Так перепугалась, когда впервые услышала.

– *«Как место, откуда я вышел на звук атомной бомбы от раннего мусоровоза».*

Саше понравился Шетти. Она спрашивала, а Илья почти с удовольствием слушал, как Главный рассказывал, что Шетти, издав одну книжку, погиб всего в девятнадцать лет – в Индии. Точно известно, что он прилетел туда пятнадцатого июля тысяча девятьсот девяносто шестого года, и пытался читать проповеди и притчи на улицах, а через неделю его тело нашли в Мумбаи, в Дхарави, избитое и измученное.

Главный вновь упал на песок.

Саша, кажется, начала мёрзнуть. Она пробежала вперёд по пляжу, пританцовывая, едва не споткнувшись о Главного и покружилась на пяточке, оставив вокруг Главного кольцо из длинных великаньих следов.

Главный лежал на песке, прижав руки к бокам, и смотрел вверх, пока белый след от самолёта не растворился в небе.

После он встал с песка как ни в чём не бывало и шагал вровень с Ильёй. Илья старался, чтобы Саша шла ближе к воде, а сам держался справа – отражение то исчезало, то появлялось, и ему совсем не хотелось, чтобы Саша это заметила.

Темнело без звёзд – Океан опустился ниже, почти проявился – пух Сашиных волос касался его крайней границы, за которой вспыхивали и затухали маленькие рыбки воронок. Сегодня он тих. Может ли Наступающий молчать так, как молчат у постели умирающего? Если времени нет, то нет его только для Шетти, Строителей и Океана – сколько же раз Наступающий будет забирать этот пух?

– Мы ему не разрешим, – Главный поравнялся с Ильёй, лизнул в ухо, топнул ногой – и пропал, унося Океан, и пусть Илья знал – они всё ещё рядом, зримое небо над головой покрывали обыкновенные серые тучи – какие Илья и хотел наблюдать.

Саша вошла в прихожую, повесила ключи в деревянную ключницу и вышла из каноз. В её движениях совсем не случалось углов, но не было и круглых, яблочно-женских перетеканий – дуги шагов, незавершённый круг – полунаклон и чуть поднятые носки, чтобы войти в домашние тапочки, чуть, но не робко, а сколько необходимо, сдвигались ящики в кухне. Холодильник причмокнул дважды, легко – может, так целуют детей, когда те уходят гулять во двор на пару часов?

– Есть макароны, – хмуро сказала Саша.

– И половинка яблока – заметил Илья, она стыдливо о ней не упомянула.

Из дальней комнаты донёсся писк и стук, будто по полу гарцевал конь. В кухню вошёл кролик. Правый глаз у него отсутствовал, а уши волочились по полу, как две старые ленточки. Он по-собачьи принюхался, уткнулся Илье в носки, взобрался по специальной дощечке на мягкий стул, а со стула, по такой же дощечке, на подоконник, чихнул и прищурил здоровый глаз.

– Его зовут Помба, – сказала Саша. – Он уже старый.

Их отражения не уходили из темнеющего окна. Если он покормит Сашу, она перестанет хмуриться?

Пообещав вернуться спустя полчаса, Илья вышел к ближайшему супермаркету. Длинные тени людей переливались с тенями домов, деревьев и кочками света, и сейчас не было ничего проще сделаться невидимкой – тень кивнула и легла около лестницы, будто послушный пёс; отражение он оставил в слабо освещённом углу витрин.

Два охранника в форме ходили по торговому залу, но Илья для них стал совсем неинтересным – их взгляд опознавал в нём не более, чем комара, залетевшего с улицы. Илья прошёлся вдоль цветных стеллажей, закинул в штанины две курицы, банку кофе и насыпал под

свитер целых ворох шоколадных конфет. Уже на выходе из магазина он вспомнил про Помбу, пробрался к стойке с картинкой кота, рассовал по карманам пакетики с кормом. Дважды его задевали плечами поздние покупатели; девочка с тоем на руках выбирала опилки для лотка и наступила Илье на ногу.

Илья замер у рамок, и, чуть помедлив, подался вперед.

Рамки, конечно, завершали – охрана бегала мимо Ильи, пытаясь понять, в чём дело. Усталый парень, хмурясь, вглядывался в мониторы. Илья перегнулся через прилавок, взял с полки позади кассира большую бутылку виски, и, уже без страха оторвав пакет из стопки, покинул звенящий, идущий волнами супермаркет.

– Здесь были ракушки, поэтому и получилось плавать – заметил Главный. Тень вернулась охотно, слизывая с шуршащих листьев, опавших на лестницу, цвет.

Илья прошёл арку между домов, низкую и длинную – ветер гулял в ней, точно в трубе. Пищала сигналка авто; неосвещённый двор жил и гудел – Илья прошёл мимо компании на площадке с качелями; мимо стаи собак, спящих на куче песка; у низкого окна первого этажа, опершись пальцами на подоконник, стоял дедушка в белой кепке и негромко разговаривал с другим старичком; его сосед едва высунулся из приоткрытой форточки – Илье сперва показалось, что дедушка говорит со своим эхом на оконном стекле.

Саша жила под небом, на последнем, восемнадцатом этаже. Ступенек Илья насчитал четыреста тридцать две – когда спускался, и четыреста двадцать восемь – когда поднимался. Океан совсем близко – что ему стоит поменять пару-тройку ступенек, особенно если почти никто не станет считать – уже сосчитанному и представленному сложнее сделать подкидыша. Курган, который бабушка Эльза звала Царёв, был в количестве двух – один, два, – Илья загнул указательный и средний пальцы. Илья это видел и потому знал наверняка – Софа на даче почти соглашалась, но точно не могла посмотреть – Юрик уверял, что это полная чушь, но это только потому, что он был ответственным за продукты в доме и ему приходилось много считать – банки с тушёнкой, тарелки, ложки – все эти счета укрепляли только один курган, потому второй и находился в подвешенном состоянии.

Илья выгрузил пакет на стол. Саша, кажется, перестала хмуриться – она убрала в морозильник одну курицу, поменьше, и начала обмазывать большую – макала мизинец в банку с горчицей. У Ильи заныло в паху – резко и пугающе взросло, как он не ощущал много месяцев или лет – он забегал глазами, надеясь спросить совета, но Главный только посмеивался. Пока Саша занималась курицей, он попытался взлететь – и почти свалился со стула. Чтобы отвлечься, Илья открыл пакетик и выдавил кошачий паштет в Помбину оранжевую пластиковую миску.

– Вообще-то ему нельзя корм для кошек, – сказала спина Саши, да так, что от голоса-полудуги вновь потянуло в паху. – Тем более, это паштет из кролика.

Помба ел кролика, и ему было вкусно.

– Шетти описывал случаи каннибализма у индийских кольчатых попугаев, – сказал Главный, подперев рукой подбородок. В «Торговцах» из этого следует двадцать девятый тезис. А всё дело в игре.

Саша включила духовку, вымыла руки и повернулась к Илье.

– Что за игра?

Её глаза не блеснули, только прикрылись.

Кролик перебрался на подоконник и улёгся на влажное полотенце у приоткрытой форточки. Он сыто сопел, то и дело вздрагивая от шорохов за окном.

– Игра двух мальчиков, которые умели вселяться в птиц. Они вселялись в попугаев, играли, и в конце игры один обязательно поедал другого. Они играли до старости, и никогда не менялись ролями.

Главный явно ей нравился больше – сколько знает, а Илья, к стыду своему, не помнил ни тезиса, ни игры.

– Став совсем дряхлыми, они решили один раз поменяться – и старик-каннибал, которого в этот раз съели, умер по-настоящему.

Саша и в этот раз плавно сменилась в лице – Илья видел, как коснулся её губы вкус старого попугая. Она скользнула взглядом по курице в духовке, обернутой фольгой.

– Кошмарная сказка, – строго сказала она, но улыбнулась.

Помба потянулся и поднялся на задние лапы. Он повернулся спиной, курчавой и серой, в катышках, как овчинное одеяло, вытянул крылья и бросился в темноту.

Илья думал, что Саша станет кричать. Саша опустилась на пол, неловко поджала под себя ноги и прикусила большой палец.

– Я спущусь и найду его.

Саша точно смотрела не зло.

– Это ты открыл форточку, – сказала она. – Я ведь её никогда не открывала. И гости не открывали – ко мне давно гости не ходят.

Илья не помнил, чтобы он этого делал – очень глупо со стороны Саши было его обвинять.

– Он вернётся, – Сашины плечи вздрогнули. Опершись о край стола, она поднялась, и легко надела Илье на живот.

– Я спущусь и найду его, – повторил Илья, в один прыжок оказался на подоконнике, и вылетел вслед за сбежавшим Помбой.

Глава 5

Наступивший короткий крик оборвался.

Илья больше не слышал ни голоса Саши, ни шум машин.

В бесцветных, как старая плёнка, сумерках двор смотрелся иначе. Илья парил почти у земли, над кустами засохшей мальвы, над газоном и скамейками – едва задевал полами брюк, как они рассыпались.

– Помба, Помба, – позвал он.

– Помба у Девочкиного Сада, – отвечали Илье. Вокруг него кружили четыре крошечные жёлтые канарейки.

– Нужно лететь за дом, – звенели они.

Илья вслед за канарейками влетел в многоэтажку. Она разорвалась и посыпалась, словно пакет с мелкой солью, и сошла береговой волной, оставив пыль-пену и возвращая цвет. До краёв горизонта росли низкие апельсиновые деревья; Илья спускался ниже, и они стали вишней в цвету. Когда коснулся ногами земли – вокруг уже были заросли шиповника и ноготков, а верхний ярус замер на сливе.

Сад окружал – по левую сторону только что вырос куст мальвы, но тут же настала сирень – и всё пахло так белобрысо и недостаточно, что Илье вновь хотелось дышать – если бы он только мог.

Канарейки метрах в трёх от земли складывали крылья и падали, отпрыгивая мячиком от земли и раздуваясь – вмиг перед Ильёй возникли пятеро одинаковых человечков-бочонков, на тонких птичьих ногах. Клювы выглядывали из-за бород, окладистых, жухло-жёлтых; из лысин торчали то ли перья, то ли хохолки.

Илья засмеялся.

– Ты чего смеёшься, не смейся, всё очень серьёзно. У нас обрыв линии передач. Муравьиные тени почти всё перегрызли. Они считают, что им самое место в саду – Черепаха Борис их поддерживает, а в Саду и так тесно.

– Кто тут? – спросил детский голос где-то рядом и сверху. Илья поднял голову – в ветках из слив сидели маленькие ноги в штанах, белых носках и крошечных голубых сандалиях на застёжке. Ноги заканчивались ремнём, тела не было – ни рядом, в кроне, ни под деревом, в россыпи переспелых ягод.

– Полу-Ребёнок, – поздоровался Канарейка. – Этот Строитель ищет Помбу.

– Не хватало мне неприятностей от Черепахи. Строитель, как тебя там?

– Илья...

– Илья, ты можешь представить кусок, хоть ма-аленький такой кусочек сада без линий электропередач? Вот и я не могу. А ведь во всём виноваты жуки. Муравьи эти, комарьё, клопы зелёные – те, которые думают, что светлячки и живут в пнях с гнильцой. Где живёшь, такой и станешь. Я говорю – Сад только для важных смертей. А они говорят – мы тут больше тридцати лет, мы первые пришли. Но в самом деле-то – кто их считает?

– Тут, кажется, везде сад.

– А я о чём? Их тут, по сути, здесь вообще быть не должно! Саша их даже не помнит – разве что стрекозу, она живёт в коробке от киндер-сюрприза и никому не мешает, – Полу-Ребёнок спрыгнул с дерева. – Раз пришёл, поможешь новые провода вешать. А то без рук особенно не повесишь.

– Мне нужно забрать кролика, – сказал Илья.

– Вот давай не сейчас, – Полу-Ребёнок топнул ногой, – а вы что стоите? – крикнул он Канарейкам. – Мне кажется, или я один здесь пытаюсь хоть что-нибудь починить?

Канарейки наперебой начали щебетать – так быстро, что и не разобрать.

– Тихо! – вдруг шикнул Полу-Ребёнок. Все разом застыли. Из глубины сада доносился мягкий хруст, точно некто перебирал в ладони сухую листву. – Кланяйтесь, кланяйтесь, – Полу-Ребёнок суетливо опустил на коленки; Канарейки вслед за ним согнули лапы и опустили клювы. – Илья, ну же, – поторопил Полу-Ребёнок, и Илья послушно склонился.

Сливовые деревья расступились, пропуская мужчину. Не считая полицейской фуражки, он был абсолютно гол.

Он был волооким, с покатыми бёдрами и мягким животом. Грудь и живот до самого низа пересекала тонкая дорожка рыжеватых кудрей. Его губы, совсем юные, маленькие и пухлые, были чуть приоткрыты.

– А я тебя всюду ищу! – он ласково улыбнулся, подняв ладони – за спиной Милиционера сомкнулись кусты и сливы. Он подошёл к Илье, взял его подбородок в маленькую ладонь и повертел. – Две курицы! Ты подумай. Я сам родился с весом в две курицы. Да, я прекрасен. Почти идеален, – он отступил назад и потянулся, как деревце. – Этот живот, – он погладил себя, – мягок, как на нём сладко спать. А волосы, – он взял руки Ильи и провёл по кудрявой дорожке, – их можно перебирать час за часом и не надоест. А как я жарю картошку! Вы, молодые, не ели такой картошки – на сале, сейчас мультиварки и прочая ерунда для лентяев.

Милиционер рывком поднял Илью, сгрёб в охапку и посадил на плечо.

– А как я силён. Поставь троих гопников передо мной – двоих столкну лбами, а третий сам убежит, позовёт четвёртого – я подниму динозавра из недр, я подожгу динозавра и запущу в четвёртого огарком берцовой кости.

– Товарищ Милиционер, – Полу-Ребёнок поднялся с коленей, – Вы – мудры и прекрасны.

– О, как я прекрасен и мудр! Это ты верно сказал, – он снял Илью с плеча и поставил на место.

– Муравьиные тени изгрызли все провода. Без электричества сад будет дичать, – сказал Полу-Ребёнок. – Илья, подними сливу и дай Товарищу Милиционеру. Попробуйте, какая кислая!

Милиционер надкусил сливу и тут же выплюнул.

– Саботаж, – и вздохнул так печально, подняв волоокие глаза к кронам, уже полусухим и карликовым – теперь они стали не выше отцветших кустов мальвы, сквозь которую пробивались колючие стебли крапивы. – И пускай тени жуков старше, самая важная смерть – бесспорно, моя.

– Разумеется, Товарищ Милиционер, – пискнули Канарейки.

– Не слушай его, – прошептал Полу-Ребёнок Илье прямо в ухо. – Весь Сад согласен, что я – намного важней.

По небу, в сторону электрических башен направлялся жужжащий рой. В эмалированной кастрюле с картинкой пиона, держась за нитки, запряжённые в жучиную тучу, сидел Черепах Борис.

– Саша плюхнула его в суп, когда ей было три, – фыркнул Полу-Ребёнок. – Он думает, раз самый старый, то самый главный в Саду. Да Саша даже не плакала, только тыкала вилкой!

– Я умер куда интересней, – закивал Милиционер. – Как-то вечером у нас закончился кофе. А я не могу без кофе с утра. Мой тогдашний коллега, сержант Денисов, не мог без капельки коньяка – ну, это с утра, а уж вечером! – но я почти идеален, потому вовсе не пил. Иванов вообще бабник, а я до женитьбы и женщин не видел – стоило мне подойти, как они кутались в чачваны и вуали, прикрывали стыдливо даже кончики пальцев. А как женился, вдруг обнажились – как я испугался, повсюду горгульи – груди волочатся по земле, зубы гниют, и ни одна ласкового слова не скажет. Я спросил сержанта Денисова – они все такие? Он распахнул рубашку, а там следы от когтей, пахнут так, что пришлось заткнуть нос рукавом. Это что, говорит, ты на плечи мои посмотри – а плечи пурпурно-укушенные, и зуб из кожи торчит. И подумал я – как хорошо мне, как повезло, что зубы моей жены ровны и чисты, и ни один не выпал в меня. Я подарил ей горшок с петуньей – а потом ещё один, и так каждый день – по горшку, чтобы утонула в цветах и не видела этих ужасных химер, что, оказывается, бродили совсем рядом...

– Товарищ Милиционер, – воскликнул Полу-Ребёнок, – я и подумать не мог, что вы так хороши!

– Конечно, сынок, но не перебивай. Так вот, тот вечер выдался удивительно тёплым для ноября... Погодите, кого ещё принесло? Подходите, присаживайтесь – я веду рассказ о самом печальном дне.

Главный не стал присаживаться.

– Что ты здесь делаешь? – рассержено сказал он Илье.

– Пришёл за Помбой, – ответил Илья.

– И чинить провода, – сказал Полу-Ребёнок.

– Мы берём кролика и уходим, – Главный дал Илье подзатыльник.

– Кто вам его отдаст, – улыбнулся Милиционер.

– Помогут починить – отдадим, – сказал Полу-Ребёнок. Канарейки закивали. Главный спрятал лицо в ладонях.

– Дался тебе этот кролик. Ладно, – он присел на корточки и обратился к Полу-Ребёнку: – Веди, показывай, что нужно делать – только быстрее.

– Провода мы починим, – робко сказал Илья. – А, когда уйдём, тени жуков их опять перегрызут.

– Перегрызут! – воскликнул Милиционер. – Обязательно перегрызут, они до того охотники.

– Значит, их нужно прогнать.

Опорная башня ЛЭП походила на ногу колосса. Сливовые деревья под ней плодоносили, и были куда выше и сочнее собратьев вдаль, но и те по сравнению с башней казались мелкой газонной травой. Милиционер сорвал сливу и с удовольствием съел.

Помба стоял, облокотившись на металлическую балку, и скучающе чесал себя по рожкам, похожим на два древесных сучка.

Илья насчитал за два десятка зверей и птиц. Гигантский попугай, весь какой-то иссохший, бродил между ними, приставая с просьбой дать бутылку воды то к двум одноглазым котяткам, которые пытались незаметно подергать Помбу за крылышки, то к длиннотелым зубастым ящеркам, которые устроились прямо под гудящими и пока целыми проводами.

– Когда выступаем? – наперебой спрашивали собаки у Канареек.

– Нужно дожидаться рыб, – в который раз терпеливо повторял Полу-Ребёнок. – Летите-ка на верх башни, – крикнул он Канарейкам. – И следите. Враг скоро прибудет, он не должен застать нас врасплох!

– Придут они, как же, – недовольно сказала старая кошка. – Сидят себе на отшибе, им и дела до нас нет.

– Кто бы говорил! – пролаяли из-за кустов.

– Спокойно, друзья мои, – громко сказал Милиционер и поднял ладони. – Рыб я позвал – они не смеют меня ослушаться.

По Саду прокатился звук охотничьего рожка. Главный сидел на большом камне – Илья заметил, как скривилось его лицо.

– Рыбой воняет, – пояснил он, поймав взгляд Ильи.

После запаха появились и сами рыбы. Они шагали степенной процессией – их было более полусотни. Их пёстрые рваные плащи развевались по ветру, словно флажки.

Из глубины серого неба раздался раскат грома.

– Майор Гупия прибыл! – он снял треуголку из газетной бумаги. – Караси предали нас, Товарищ Доблестный Милиционер. Они говорят, съеденное не считается.

– Как предсказуемо, – Милиционер вздохнул.

– Нас становится мало, – обеспокоенно сказал Полу-Ребёнок. Гром прогремел ближе, принесся с собой ветер. Старушка с кошачьими лапами поёжилась.

– Теней много, но они только тени, – Милиционер поднял указательный палец. – Им ни за что не выстоять против нас.

Илья пододвинулся ближе к камню, на котором сидел Главный.

– Из-за твоей прихоти мы нарушаем тезисы, – тихо сказал Главный. – Ты думаешь, вернёшь кролика, и получится посмотреть на Сашину грудь?

Илья густо покраснел.

– Может, даже потрогать. Мне бы тоже хотелось. Это будет не так, как раньше. Саша чем становится старше, тем красивей – наверное, когда её волосы поседеют, а кожа сожмётся, мы впервые за много веков увидим, как Венера выходит из пены морской.

– Ты был с ней знаком?

– Да-да, мы же встречались год, а потом она за мента вышла.

– Их полчища! – раздался сверху слабый крик Канареек.

Гром прокатился над линией передач. Звери и птицы притихли. Котьята перестали дергать Помбу за перья и теперь жались друг к дружке. Полу-Ребёнок молча вручил Илье мухобойку.

– Нам нельзя участвовать в битве, – шепнул Главный Илье.

Черепаша Борис спускался с гремящего неба в упряжке из тысячи роящихся туч.

– Птицы, вперёд! – скомандовал Полу-Ребёнок и Канарейки, едва спустившиеся на землю, взлетели навстречу жукам.

Они влетели в ближайшую тучу, пропахав её, словно лыжню, под крики «Ура!» втягивая жуков в открытые клювы. Но вдруг туча обозлилась, выгнулась, и по тигриному бросилась на птиц. Жуки пожирали Канареек, словно стирая ластиком – от крыльев и клюва до пузатой солнечной сердцевины.

Поднялся гам. Тучи жуков спикировали к подножию башни, прямо в толпу зверей. Майор Гупия сбросил плащ, поднял плавники и рыбы, свистя и улюлюкая, ринулись на врага.

Один рой летел в сторону Ильи. Он стиснул мухобойку и приготовился отбиваться, как его закружила толпа. Ящерки выбрасывали длинные языки-ленты, прорежая жучиные тучи. Попугай и несколько куриц прыгали по кронам деревьев, ловя жуков на лету; деревья тряслись, сливы падали вниз и их тут же давили лапами.

Милиционер, отбившись от ближайшей тучи, подбежал к башне, зажал мухобойку в зубах, залез вверх по опоре и теперь встречал налетающих жуков, стоя на балочной перемычке метрах в пяти от земли.

Илью схватили за руку и потянули прочь из кишащей толпы.

– Берём кролика и валим! – крик Главного почти съели жужжащие тучи.

Помба нашёлся быстро. Здесь он выглядел больше, размером с доброго пони. Он дрожал, свернувшись клубком под зарослями белой сирени. Увидев Илью, сжимающего мухобойку, и растрёпанного Главного, он округлил глаза и быстро-быстро заговорил:

– Они меня звали, давно звали. Но кто ж думал, что оно так обернётся? Не заставляйте меня драться! Нас всех сожрут!

Главный присел на корточки и дал кролику подзатыльник.

– Полетели домой, – сказал он. Помбу уговаривать не пришлось. Главный вскочил на его спину и помог забраться Илье. Но их заметили.

– Они убегают! – Полу-Ребёнок бросился к ним через толпу рыб и редееющих туч, но поздно. Помба выскочил из-за кустов, разогнался и прыгнул – в прыжке расправив голубиные крылья, и в пару взмахов оказался высоко над полем битвы.

– Стойте!..

– Не смотри вниз, – наказал Главный Илье. Илья, сидевший позади, уткнулся Главному в спину и зажмурился.

Жужжание почти стихло. Внизу послышался лязг и громкий всплеск.

– Черепаха захвачен! – радостно вопил Полу-Ребёнок.

Илья не выдержал и обернулся.

Тени жуков проигрывали сражение. Из тысячи туч осталось не более двух десятков. Ящерицы с раздувшимися, как воздушные шарик, животами всё ещё слизывали подлетающих жуков. Милиционер размахивал мухобойкой – вокруг него собралось больше половины роя.

Строй рыб был прорежен – маленькие краснопёрки склонились над тем, что осталось от Майора Гупии. Аквариумный Сом, утерев глаза плавником, поднял с земли плащ майора и прикрыл им обглоданный рыбий хвост, воткнул мухобойку и повесил на неё газетную треуголку.

Кролик ушёл в крутой разворот – Илья вцепился в спину Главного, едва не сползая вниз.

Жукам спешила подмога. Небо, будто парад истребителей, прорезало полчище карасей – в шлемофонах, в грозно сверкающей чешуе, по которой, треща, бегали искры. Они долетели до самой вершины башни, и, огибая её серпантином, снижались, выбрасывая молнии.

– Надо вернуться! – прокричал Илья. Он свернул шею, силясь рассмотреть, что происходит внизу. Закричал Милиционер, поймав мухобойкой разряд – ток озорил его, а, когда свет ушёл, Милиционер всё ещё держался за балки, а по его телу расползались красные прожилки, будто древесные веточки.

Но Помба уносил их всё дальше и дальше. Криков было уже не слышать, только вспышки и громовые раскаты говорили о том, что бой продолжается. ЛЭП тянулась докуда хватало глаз, провода были оборваны и слабо искрили. Сливовые деревья сменились яблонями, и, чем дальше от башни, тем они становились мельче и хлипче.

Наконец, посреди Сада показалась многоэтажка. Помба приземлился во двор, на площадку у Сашиного подъезда. Главный и Илья слезли со спины кролика. Помба встряхнулся, втянул крылья, уменьшился до обычных размеров и прыгнул Илье на руки.

В этот раз Илья не считал ступеньки, а просто легко перелетел вверх по пролётам. Оказавшись у Сашиной квартиры, он нажал на кнопку звонка. Железная дверь была выкрашена в голубой. Илья почесал Помбу за ухом и попробовал отковырять каплю застывшей краски. Из квартиры раздались шаги.

Бледная, как кусочек картона, Саша выхватила кролика у Ильи и спустила на пол, и бросилась обнимать Главного и покрывать поцелуями его макушку, щёки и нос. Она взяла ладонь Главного и потянула его вглубь лабиринта квартиры.

– Посиди на кухне, – бросил Главный Илье. Илья покраснел, но кивнул. Он вошёл в кухню, прикрыл форточку на щеколду, и, подперев подбородок, уставился за окно, пытаясь высмотреть Океан в светлеющем рассветном небе. Но Океана не было.

Глава 6

– Вчера супермаркет ограбили, – сказала Саша, не отрываясь от мобильного и жуя бутерброд. – Прямо у моего дома, представь?

Она пододвинула чашку кофе к Илье и поцеловала. Главный ушёл ещё на рассвете. О чём они разговаривали с Сашей? Удалось ли Главному потрогать на Сашину грудь? Конечно же, удалось, в отличие от Ильи.

– Нам нужно уйти, – сказал Главный перед тем, как захлопнуть входную дверь. Но Илье уходить не хотелось. Сегодня ему снилась пантера с тигровыми полосами.

Главному не нравилась Саша. Он шутил и смеялся, но тот взгляд, которым Главный смотрел на Сашу, был очень знакомым – так же смотрел на Илью Юрик. Как на глупую муху, как мог бы смотреть великан на разбросанную под его башмаками не слишком интересную деревню. Но Главному придётся смириться – Илья теперь обязательно возьмёт Сашу с собой, в скафандре вполне хватит места – может, её даже получится сделать Строителем, и тогда для неё надо будет приделывать второй кислородный баллон.

– Мне нужно на работу. Мы работаем по субботам, – чуть виновато сказала Саша. – Если хочешь, можешь остаться. Компьютер есть.

– Мне тоже нужно идти, – ответил Илья. – Но я зайду вечером, – добавил он, увидев, что Саша прикусила губу. Илья видел, что ей очень нравится Главный – но как же ему разговаривать с Сашей, если Главного рядом не будет?

На улице было слишком много людей.

В витрине магазина напротив мелькали отражения прохожих и автомобилей. Илья вглядывался в стекло, но Главный не появлялся. Он попробовал подойти ближе – тормоза взвизгнули, машины захлебнулись гудками, Илью грубо схватили за шиворот и потащили назад.

– Мужик, ты пьяный? – компания подростков смотрела на него немного обиженно. Подростки душно и вязко пахли. От запаха сводило зубы. Илья ощущал привкус железа на нёбе. Подростки крепко держали Илью под руки и отпустили, только когда загорелся зелёный.

От витрины Илья не отражался. На этот раз дождавшись зелёного сигнала, он прошёл ещё два перекрёстка и понял, что заблудился. Главный прожил в Самаре целую жизнь, но для Ильи город был совершенно чужим – он не знал, куда ведут повороты улиц, дворы были ему незнакомы. Высотки пугали – любой из этих домов мог в любой момент начать падать прямо на него, каждый балкон мог обрушиться; каждый порыв сентябрьского ветра мог сорвать тяжелые ветви дворовых тополей и уронить ему на спину; каждый автомобиль могло выбросить на обочину, по велению Наступающего Океана, и любой проходящий мужчина мог поднять с тротуара кирпич, и его голова треснет, точно арбуз, сваленный в зелёную клетку.

Он бродил по городу много часов. Солнце подходило к зениту и пока не щипало кожу, но это только пока. Вдалеке маячили тёмные облака, но над городом было ни тучки. Илья приметил тенистый маленький двор и решил ждать темноты.

Илья очнулся в ковре. Ковёр висел на бельевой верёвке, и он кутался в него, сам сидя на табуретке – будто сушил гигантские тяжёлые крылья.

Кажется, пока он спал, успел начаться и закончиться дождь.

Лицо покалывало от солнца. Илья не стал шевелиться – голова болела сильнее. Вот начнёт жечь – может, тогда он встанет...

В окне напротив мелькнула тень. Тут же хлопнула дверь, и визг Софы раздался прямо над ухом.

– Нашёлся!

Тяжёлый ковёр сбросили с плеч. Софа взяла Илью за руки и дёрнула на себя – на миг он вновь сделался лёгким и смог подняться.

– Ну же, быстрее в дом, – Софа тянула его за руку через двор, через крыльцо и коридор, усадила в кухне на стул, набросила на него одеяло, включила газ и поставила чайник. – Карл Ельевич верил, что вы не собрались сбежать обратно на дачу, что вы решили поскорее найти мастерскую и точно вернётесь к нам, – Софа налила чай, насыпала в чашку четыре ложки сахара и всунула Илье. – Так согреетесь, сегодня ночью резко похолодало... – она стянула с него

кроссовки и обула в тёплые, но тесные тапочки. – Долли, представляете, даже не попытался нас предупредить. Он, конечно, получил своё наказание. Но каков Кира! Я ходила звонить на почту, а у него выключен телефон. Я уже всё на свете успела подумать! Между прочим, даже то, что вы решили научить быть Строителем эту Галину, но Карл Ельевич меня успокоил, напомнив тезис...

На пороге кухни показался Карл Ельевич. Он был в пальто и пах одеколоном. Он подпирал щеку толстой книгой в белой обложке. Под шеей, на щеках и подбородке были рассыпаны красные точки. Под носом виднелся порез.

– Что это? – бросил он, кивнув на Илью.

– Он спал во дворе, – быстро сказала Софа. – Ему нужно согреться...

– Строителю. Не нужно. Греться! – рявкнул Карл Ельевич.

Софа отобрала у Ильи чашку, торопливо помыла.

Карл Ельевич сел в кресло, расставив ноги, и открыл книжку.

– «Великаны сражались, земля тряслась», – прочитал он медленно, с выражением. – «И в это же время жила на земле маленькая улитка. В те времена улитки ещё не носили раковин. Она боялась великанов больше, чем птицы и звери – ведь первые летали высоко, и могли укрыться в горах, а у зверей были быстрые лапы, и они могли легко убежать.

Она ползла, пока перед ней не возникла река.

– Может, за этой рекой нет великанов! – воскликнула улитка.

Её услышала корова и перенесла через реку. Но и за рекой был великаний приют. Ползла улитка, ползла, пока не добралась до моря.

– Может, за морем я спрячусь от великанов! – воскликнула улитка.

Её услышала чайка. На спине чайки улитка перелетела море. Но и за морем жили грозные великаны. Летели они, летели, пока перед ними не раскинулся океан.

– Может, за океаном я спрячусь от великанов!

Но чайка была не в силах перелететь океан.

Её услышал пролетающий мимо альбатрос.

– Перелезай мне на спину, и я вмиг перенесу тебя!

Чайка причитала, пытаясь отговорить альбатроса и улитку от верной гибели.

Но не получилось.

Они летели три дня. Альбатрос стал уставать, но посреди необъятных солёных вод вырос остров. Они приземлились, отдохнули ночь и полетели дальше.

На этот раз летели четырнадцать дней. Альбатрос совсем выбился из сил, но посреди океана показалась скала. Они приземлились, отдохнули три ночи и полетели дальше.

Летели они уже тридцатый по счёту день, когда альбатрос из последних сил произнес:

– Скоро появится остров! Смотри внимательно, – наказал он улитке. – Он крошечный, омываемый девятью волнами, поэтому его легко пропустить.

Улитка весь день вглядывалась в океан, но тщетно – острова не было видно. И тогда подумалось улитке – альбатрос для меня и сам – будто остров, да и спят же утки в озере на воде? И так ей хотелось отдохнуть от бесконечного полёта, что, поразмыслив, она закричала:

– Остров!

И альбатрос, ослепший от ветра и соли, опустил прямо на воду, где их тут же накрыли океанские волны.

Очнулась улитка на дне морском – нет её верного друга, воздушного альбатроса. Только плавают, играют разноцветные рыбки в резных окошках кораллового дворца. Подхватили улитку рыбки, закружили, и повели к царю Океанов.

А царь Океанов и сам был великаном. Он восседал на троне из икринок и перебирал в ладони пять камушков-голышей. Долго перебирал – уже и икринки превратились в мальков, а мальки – в серебристых рыбешек, и теперь они щекотали хвостами его прозрачную кожу. Потянулся Царь, зевнул, и рыбки уплыли, рассыпав икринки в трон – и тогда Царь Океанов обратил внимание на улитку.

Как услышал Царь Океанов про мир над водой, так сразу решил его завоевать. За невольную помощь он подарил улитке раковину.

– Этому домику, – сказал Океан, – не страшны и полчища великанов.

Посадил он улитку на спину сома и велел тому донести её до земли.

Земные великаны, и правда, обходили раковину стороной. Улитке так понравился подарок Океана, что она стала носить домик с собой, и уж никто более не вспоминал, что раньше улитка обходилась без раковины. А Царь вышел из океана с бесчисленным войском и погубил великанов. Его подданные – тритоны сбросили хвосты и превратились в людей, каких мы с вами знаем.

И какой в этом Тезис?»

– А где Царь Океанов?

– Что? – встрепнулся Карл Ельевич. Он даже забыл поругать Илью за то, что тот его перебил.

– Тритоны превратились в людей. А куда делся сам Царь?

– Спаслась ли улитка? Бабушка Эльза и Юрик полагают, что нет. Она ошиблась три раза – в первый, когда пыталась спрятаться. Во-второй – сотворив остров, которого не могло быть. А в-третьих – кто вернулся на землю? Улитка или её мертвая тень, утопленница в саркофаге без плоти и голоса?

Илья снова мотнул головой.

– Помнишь, как мы вместе переводили Шетти? Ты тогда был совсем мальчишкой, а над твоей головой бушевал Наступающий. Жаль, что тебя отчислили. Я пытался уговорить кафедру этого не делать, но меня там самого не слишком-то любили.

Илья снова мотнул головой.

Карл Ельевич схватил его за волосы, выволок в коридор, потащил в ванную и окунул головой в таз с замоченным бельём.

Илья вспомнил. Главный почти умер здесь, в этом самом тазу с водой и невкусной лавандовой пеной. В тот раз Карл Ельевич говорил совершенно иначе – он размахивал руками и громко ругался. Строителю нужно уметь задержать дыхание, но тогда он хотел дышать больше, чем быть настоящим Строителем, это было его единственным желанием, едва Карл Ельевич опустил его голову в кусок проявленного Океана.

Карл Ельевич резко вытащил голову Ильи из воды, и он, отплёвываясь от пены, протирая глаза, вышел прочь.

Софа стояла у ванной со шваброй и тёрла полы. Илья растерянно посмотрел по сторонам.

– А я Долли наказала.

Наверное, его лицо оставалось злым, потому что Софа тут же добавила:

– Если хотите, можете сами придумать, как его ещё наказать.

– Это обязательно?

Наказать Долли не вышло. Илья до вечера провалился в постели, мечась от спальни в доме Карла Ельевича к мастерской и обратно. Задержаться ни тут, ни там надолго не получалось. Он брал книгу с полки в мастерской; она тут же падала сквозь его неуклюжие, прозрачные пальцы. Выходило открыть – строчки убегали и смазывались, переливались с листа на лист.

В спальне Софа поила его горькой водой из стакана, которая скрипела на языке, даже когда он лежал на спальнике в мастерской. Софа нависала над ним, пуча глаза и прикладывая палец к губам.

К вечеру Илью перестало бросать. Он окончательно пришёл в себя как раз когда Софа скармливала ему, несмотря на запрет Карла Ельевича, миску куриного супа. Илья опасался недовольства Карла Ельевича, но отказать Софе не смел. Софа сидела на краю дивана с ложкой, зажатой в кулак. Илья полусидел на подушке, но диван всё равно был ему короток.

В коридоре громко затопали, и в спальню ввалился Кира, держа в охапке плащ, шарф и шляпу, и сразу стукнулся головой о плафон.

– Мать! Анатольевна! Я всё сделаю, только выслушай... – он запнулся, заметив Илью. – О.

– О, – повторила Софа, встав. – Кира, дуйте отсюда. Я вам суп на голову надену.

Кира попятился и врезался в Карла Ельевича, показавшегося в дверях. Вещи посыпались на пол.

– Кыш! – и Кира, подхватив шляпу и плащ, побежал прочь, спотыкаясь и на бегу выпутывая ногу из шарфа. – Что ему опять надо? – он выглянул в коридор.

Пока Карл Ельевич отвлёкся, Софа засунула миску с недоеденным супом Илье под подушку.

– Эльза в гостиной, – выплюнул он.

– Она же собиралась оставаться на даче до конца? – Софа опустилась на край дивана.

– Она пришла поговорить с Ильёй, – раздражённо сказал Карл Ельевич.

Илья подумал, что Карл Ельевич наверняка заметил и супницу под подушкой, но почему-то ничего не сказал.

Илья поднялся на пару ладоней от пола. Выше не мог – тело было тяжёлым, его тянуло к земле.

– Как красиво, – выдохнула Софа. Карл Ельевич удовлетворённо кивнул.

Илья прикрыл глаза, на миг оказавшись прямо перед скафандром, и тут же рухнул на пол.

– Давай, давай, вставай. Вовремя он простыл... Очень вовремя! Софа, помоги ему встать.

Эльза ждёт.

Софа встала с дивана и присела на корточки рядом с Ильёй.

– Всё в порядке, – сказал Илья. – Просто не удержался.

Илью проводили в гостиную. На диване сидела бабушка Эльза. Она разложила чашки в блюдах, чайник, вазочку с конфетами и торт на журнальном столике, который до этого стоял у стены. Горку ручек и карандашей она сложила в газету и убрала на сервант.

Илья в первое мгновение и не узнал бабушку Эльзу. Брови, светлые, как и кожа, маленькая улыбка и короткие, всегда чуть влажные кудри делали её похожей на вдруг состарившегося ребёнка. Теперь брови превратились в две тёмные и сердитые галки, а волосы стали ярко-оранжевыми, зачёсанными назад. Вместо юбки и дутой жилетки на бабушке Эльзе было тёмно-зелёное платье под горло. Она держала чашку и блюдце маленькими пальцами, тяжёлыми от колец с камнями.

– А это не сервиз из серванта? – прищурилась Софа. – Он же для красоты!

– Мне шестьдесят два года, – отмахнулась бабушка Эльза. – и шестьдесят третьего дня рождения я могу не застать. Так почему бы не отметить сейчас? Для таких случаев и существуют сервизы.

Карл Ельевич нехорошо побледнел.

– А Шетти был мужчиной, – бабушка Эльза взяла конфету из вазочки. – И он бы понял, если бы узнал, что у меня день рождения.

– Но у тебя день рождения в... в... – задохнулся Карл Ельевич.

– В начале апреля, – подсказала бабушка Эльза и засунула конфету в рот. – А сегодня – ещё один. Что тут непонятного?

– Ты в таком... виде... – Карл Ельевич проглотил слово. Илья так и не понял, чего Карл Ельевич злится. Бабушка Эльза хоть и стала сердитой, сейчас выглядела как женщина со старой открытки – только добавить зонтик с рюшами и маленькую собаку.

– Илья, подойди к бабушке, – она похлопала по дивану, приглашая его сесть рядом.

Илья не шевелился.

– Можно успеть найти мужа за день? – задумчиво сказала бабушка Эльза, открыла коробку, взяла пластиковый нож и начала резать торт.

– Илья, иди к Эльзе, – бросил Карл Ельевич, и Илья тут же очутился на диване. – У вас десять минут, а потом попрошу до свидания.

– Можете не утруждаться, – сказала бабушка Эльза. – За Ильёй я приеду завтра к пяти.

Карл Ельевич фыркнул, развернулся и вышел из гостиной.

– Давайте-ка побыстрее, – сказала Софа Илье перед тем, как выйти следом за Карлом Ельевичем.

Илья немного нервничал. Он никогда не оставался с бабушкой Эльзой наедине. А ведь только бабушка заступалась за него на даче, один раз даже наказав Юрика – хотя Юрик впадал в ярость довольно часто, а один раз даже сломал Илье нос.

– А какой тезис ты нарушила? – быстро спросил Илья.

– Пятнадцатый, – пожала плечами бабушка Эльза.

Бабушка отрезала кусок торта, положила на блюдце и поставила перед Ильёй. Илья не притронулся к блюду.

Он, правда, чувствовал себя ужасно неловко – он точно выбежал бы за Карлом Ельевичем, если бы тот не позволил остаться. И, конечно, не стал бы брать торт.

– Скажи, Илья, – бабушка не стала настаивать и забрала блюдце себе, – ты понимаешь, почему я настаиваю на том, что тебе лучше остаться с нами? И почему у нас возник спор, где единственно известному Строителю находиться?

– Год назад я решил, что часть тезисов неверно переведена, – осторожно начал Илья. Он знал, что второй, седьмой и одиннадцатый тезисы из записной книжки в мастерской отличались от тех, что были в напечатанных «Торговцах» у ордена, но до сегодняшнего дня про другие тезисы никто не упоминал. – Я полагаю, что возможно пережить Океан Наступающий в физическом теле.

Бабушка Эльза на все ответы Ильи только хмурилась, и спустя всего несколько минут резко встала и вышла, заявив, что вся их компания – непроходимые идиоты, и хлопнула дверью.

Илья не помнил, как познакомился с бабушкой Эльзой, хотя та утверждала, что знала его ещё школьником, и что именно у неё он впервые прочёл английское издание Надина Шетти.

Они с Софой лежали в её комнате на широкой кровати. Карл Ельевич вновь ушёл куда-то в ночь, строго-настрого запретив Софе кормить Долли ужином, завтраком и обедом.

– Вообще его раньше звали Данилом, – Софа зевнула. – Долли. Карл Ельевич сказал – для глупого мальчика нужно глупое имя. Пять лет назад. Мы только познакомились. Карл Ельевич считает, что материнство – это эгоизм. А ты как считаешь?

Она уткнулась Илье в подмышку и уснула, не дождавшись ответа. Он почти не ощущал Софиного дыхания, – будто она тренировалась не дышать даже во сне.

Спустя полчаса он потыкал Софу в плечо и убедившись, что та крепко спит, выскользнул из-под Софы и вышел из спальни. Звякнул колокольчик – Илья тут же поймал его в кулак и осторожно прикрыл дверь.

Глава 8

Весь следующий день он бродил по улицам, но вместо мастерской набрёл на многоэтажку, где жила Саша. Он запрокинул голову – по небу плыли перистые облака. До вечера оставалось пара часов, и он решил зайти в магазин. В прошлый раз Саше понравилось, когда он принёс курицу – и она наверняка будет ждать, что он и сегодня принесёт что-то подобное.

Илья попытался подпрыгнуть, чтобы перемахнуть через ограду вокруг газона – но не смог взлететь. Он запнулся и растянулся на газоне, расшиб лоб и ободрал ладони.

Дойдя до магазина, он вновь попытался оставить отражение и тень дожидаться на улице, но они, не обращая внимания на его просьбы, шли за ним.

Илья набрал полную корзинку продуктов под нехорошим взглядом охранника, и попытался хотя бы не расплатиться на кассе, но кассир вежливо напомнил ему о деньгах. К счастью, Софа с утра всунула Илье триста рублей.

– Я тебе говорил, – Главный догнал его у Сашиного подъезда. – Странное место. Раковины то появляются, то исчезают. Тут опять не чувствуется Океан. А ты должен искать мастерскую.

– Ты же сам знаешь, где она, но почему-то не говоришь, – пожал плечами Илья. Он вошёл в дом. Пакет, что он нёс, оказался довольно тяжёлым. Илья потянулся к кнопке лифта, но Главный стукнул его по руке.

– Даже не смей, – сказал он. – Поднимайся по лестнице.

Лететь не получалось. Шагать по ступенькам было трудно – Илья отдыхал через каждые два пролёта. Главный шёл позади, упираясь Илье в затылок.

– Есть женщины, – говорил Главный, – которые и знать ничего не хотят о Наступающем. Скажи им, что игра в ладушки – это способ поболтать со своим мёртвым дедом на пиру духов, так они сразу заохают и вытолкают тебя из квартиры. А есть такие, как Саша – у них тоска по воде, они тянутся к ней, напиваются, но сами воду не делают. Ты их можешь наполнить, раздуть, точно бочку, и любоваться, точно Нарцисс на своё прекрасное отражение.

Саша ждала их. Она смущённо взяла у Ильи пакет и почти поцеловала – Главный высунулся вперёд, перехватывая Сашины губы.

– У тебя есть таз? – спросил с порога Илья.

Илья, разуваясь, споткнулся о велосипед в коридоре. С утра велосипеда не было. Илья набрал в таз воды, скинул туда носки и засыпал порошком. Саша заварила чай, поставила на стол вчерашнюю курицу и долго жаловалась на клиента, который в третий раз пытался вернуть купленную палатку, которую сам же прожёл огромным булыжником, который для ночного тепла предварительно нагрел в костре. Помба посапывал у Ильи в ногах, свернувшись клубком.

– А ты знала, что ладушки – это способ поболтать со своим мёртвым дедом на пиру духов? – вдруг сказал Илья. Главный округлил глаза и нехорошо захихикал.

– Никогда не слышала, – Саша продолжала спокойно пить чай и, кажется, вовсе не собиралась выталкивать его из квартиры. – Илья, а ты умеешь кататься на велосипеде? Сегодня из гаража забрала. Он давно без дела стоит.

Илья попытался вспомнить, но Главный его опередил:

– Умею, – ответил он.

– Тогда покатаемся завтра? – обрадовалась Саша. Илья почувствовал, как вздрагивают его коленки. Главный продолжал противно хихикать. – Если у тебя нет велосипеда, могу взять второй у соседей!

Илья шлёпнул себя по коленкам и, огрызнувшись на Главного, посмотрел Саше в глаза.

– Завтра Конец Света, – медленно сказал он. Саша рассмеялась, её звенящий смех сплетался с хохотом Главного. Помба недовольно вскочил и отсел подальше. Илья встал со стула, опустился перед Сашиными ногами в простых синих джинсах и обнял её лодыжки. – Завтра Конец Света, – повторил он серьезно, – в семь вечера, тридцать две минуты Луна начнёт спускаться и коснётся Земли. Океан выйдет из берегов и переродится – он смешается с воздухом, и уже не будет ни воздуха, ни воды – только зияющая пустота и огарки когито, которые вскоре исчезнут, – договорил за него Главный, переставший судорожно хохотать.

Саша сидела, не проронив ни слова.

– Я – Строитель, – добавил Илья. – Шетти писал, что такие, как мы, могут создать... Как бы тебе проще объяснить, – сказал он, хотя сам едва ли сейчас понимал, о чём Главный ему злорадно шепнул на ухо. – Я такой не один, хотя других в нашем городе, судя по всему, нет. Мы можем пережить Наступающий, если можно так выразиться, нематериально... Но я, кажется, догадался, как это возможно сделать в физическом теле. Между прочим, я могу взлететь.

Взлететь не получилось.

– Илья, напугал, прекращай, – пробормотала Саша. Илья попробовал взлететь ещё раз, но только подпрыгнул.

– Ничего не получится, – Главный покачал головой.

– Получится! – Илья обиженно сощурил глаза. – Как я, по-твоему, за кроликом летал, забыла? – Пойдём, – он подхватил растерянную Сашу и повёл в ванную. Вытолкав Главного, он запер дверь на щеколду, и, наконец, поцеловал Сашу самостоятельно.

– Ты тоже станешь Строителем, – сказал Илья и опустил Сашину голову в таз.

Главный стучал в дверь, Саша вертелась и булькала, точно рыбка, шкворчащая на сковороде. Илья держал её крепко, пока она не обмякла в его руках и Океан не прекратил волноваться.

Главный снёс дверь, толкнул Илью и вытащил Сашу, стиснув её грудь и хлопая по спине. Мыльная вода вылилась из неё, но она не дышала – значит, получилось, она надолго задержала дыхание – дольше, чем смог бы Илья?

– Не получилось, – хмуро сказал Главный. – Отнеси её в спальню.

Илья положил Сашу на кровать и укрыл одеялом. Помба прыгнул к хозяйке и уткнулся носом под бок.

– Идём, – поторопил его Главный.

В этот раз Илья не плутал – пара кварталов, и Главный вывел их точно к дому Карла Ельевича. На пороге маячила Софа в своём вечном цветастом халате: на карман в этот раз были приколоты сразу три булавки. Илья подумал, что одна наверняка для халата, вторая про запас, а третья на случай, если первые две предадут. За ночь она как будто выцвела вместе с обоями в коридоре: кожа на лбу натянулась, обозначив мелкую сетку морщин, плечи подрагивали с той же частотой, с какой мигала лампочка в коридоре. Некрасивые губы потрескались, как если бы Софа кусала их насквозь.

– Карл Ельевич ушёл. Мы поругались из-за Тезисов. Я спросила, можно ли спасти двоих в одном скафандре. Карл Ельевич говорит – нет. А я говорю – Шетти ничего не писал про двоих. Значит, можно попробовать.

Софа, неожиданно резко толкнув его в спину, повела по длинному коридору на кухню. Они прошли мимо кладовки, дверь в которую была распахнута настежь и покачивалась от сквозняка. Внутри лежал Долли на куче тряпья, не привязанный, и спал, тяжело дыша и вздрагивая во сне. На его руках-веточках проступали фиолетовые синяки. Он стал совершенно прозрачным – сквозь его тельце, казалось, просвечивался деревянный пол со всеми его сколами, будто дом уже впитывал Долли в себя, как тряпка впитывает разлитую воду.

– Мне всё равно на Долли, – сказала Софа, усаживая Илью за кухонный стол и ставя перед ним две давно немых и липких чашки с чаем. – Он не Строитель. Карл Ельевич держит его из жалости – а жалость убьёт нас всех до единого, когда Океан придёт.

Она протянула руку и коснулась щеки Ильи. Пальцы были холодными и влажными, как лягушачья кожа.

– Возьми меня в скафандр. Я буду очень тихой – как обои на стене. Как эта трещина на потолке в форме птицы. Я каждый день считала эти трещины, и ни разу не сбилась – их триста шестьдесят четыре, а эта – сорок вторая. Я не буду дышать, сколько скажешь. Я могу долго не дышать. Я тренировалась – когда Карл Ельевич кричал, я считала секунды до ста двадцати семи – это рекорд. Когда Луна упадёт, Океан зальёт полы – а я их так старалась отмыть сама, и потолок и стены – я ведь сама их красила. Он и меня зальёт, и я тоже стану водой. А я хочу остаться Софой. Хочу остаться с костями и кожей, понимаешь? Хочу быть с тобой. Ты ведь не растворишься. Я не хочу быть Океаном. Океан – это когда тебя нет. А я есть.

Илья молчал. За стеной что-то скрипнуло – возможно, половица под телом Долли.

Илья встал, подошёл к кладовке и заглянул внутрь. Через мгновение рядом возникла Софа. Лицо её не изменилось – она будто смотрела на привычную пыль под кроватью.

– Долли спит, – сказала она. – Или умер. Не всё ли равно?

Она наклонилась ближе. Её дыхание теперь пахло старой заваркой.

– Ты же возьмёшь меня с собой, правда? – Софа сжала его руку. На её ладони проступили капельки пота. – Можем жить вместе, если Конец Света не наступит. Вдруг... Киру я прогоню – он давно надоел. И Карла Ельевича...

Лицо Долли было спокойным, но под веками дрожали зрачки – может, сейчас он видел сам Океан, который уже начал наступать на него одного, без защиты скафандра?

Илья наклонился и поднял Долли с тряпья. Тело его оказалось лёгким, словно пустая куртка.

– Куда ты? – испуганно спросила Софа. – Оставь его здесь. Он всегда может уйти, если сам захочет. Видишь – я и цепочку с него сняла. Кто ж его запирает?

Илья не ответил. Он вышел из дома, держа Долли на руках. Воздух был тёплым, но в нём уже чувствовалась та особенная тяжесть, которая бывает перед грозой. Над крышами плыли облака – не белые, а серебристые, будто отполированные. Илья поднял голову и увидел Луну – она висела в утреннем небе, яркая, почти полная, готовая вот-вот сорваться вниз, как осеннее яблоко.

Илья обернулся – Софа стояла в дверях босиком, и теребила край халата. Долли лежал у него на руках, прозрачный и тихий. Илья собственной грудью ощущал его дыхание. И он пошёл вперёд по узкой улочке, заставленной старыми деревянными домами с резными наличниками и покосившимися крыльцами, шёл мимо длинного серо-зелёного забора. Между домами то и дело возникали проходы, ведущие во дворы, где росли тощие кривые деревья и висели верёвки с выцветшим бельём. Воздух пах древесной трухой и чем-то кисло-сладким – может, переспелыми сливами с соседского дерева.

Илья шагал медленно, бережно прижимая Долли к груди. Под ногами хрустели щепки и осколки стекла. Из открытого окна, с треском и шипением, доносилась давно забытая музыка – возможно, со старой пластинки. Кто-то кричал ему в спину, но Илья, не вслушиваясь, шёл и шёл.

Он свернул на соседнюю улицу. Здесь дома были повыше – двухэтажные, с балконами, обвитыми сухим соломенным виноградом. На асфальте лужи от недавнего дождя отражали Луну – она внимательно наблюдала за ним, выглядывая из каждого куска водяного пазла. Илья обходил их осторожно, боясь, что если наступит – это ускорит падение. Прохожие попадались редко – разве, старушка с сумкой-сеткой, мужчина в рваной куртке, курящий у подъезда. Никто не смотрел на Илью с ребёнком на руках. Может, не замечали. Может, видели, но делали вид, что не видят – так иногда делают в городе, чтобы не впутываться в чужие дела.

Долли пошевелился. Его пальцы, тонкие, будто иголки, кольнули Илью в пальто.

– Тебя когда Софа кормила? – спросил Илья.

Долли не ответил. Он, наверное, никогда не отвечал словами. Только жестами, которые никто не понимал.

Илья вышел на перекрёсток – шумный, с трамвайными путями. За спиной слышались шаги. Илья обернулся – никого. Только ветер гнал по мостовой обёртку от конфеты. Мимо проехала скорая – синий свет от мигалки полоснул ему по глазам. Илья замер, но машина не остановилась. Впрочем, они уже почти дошли до больничных ворот. В какое здание отнести Долли, Илья не знал, поэтому вошёл в первое, что попало ему на пути.

Глава девятая

Меня зовут Илья, мне тридцать шесть лет, и я оставляю за собой право произносить вычурные фразы. В долгих беседах с самим собой мы зачастую так и делаем – создаём неторопливые, красивые предложения, и произносим их, в фантазии расправляя спину; одетые не меньше чем в твидовое пальто и не меньше чем для принцессы Дианы, специально для неё вкрапляя кусочки английских фраз. Но стоит нам открыть рот, как слова оборачиваются дурно пахнущей жабой, и вот уже и наедине с собой мы стыдимся выстраивать ложные (ну и пусть) словесные башенки. Там, где сидела принцесса лягушка – пусто, и больше никто не сидит.

Моим первым воспоминанием я тяну руку к люстре, сидя на тёплых, кудрявых, обезьяньих плечах. Мой дед был родом с Сахалина. Он брал конфету двумя пальцами за фантик и тряс над моей головой, будто дразнил котёнка.

– Мне было три, как и тебе, – рассказывал дед, – мать поехала в город и привезла мне ириску. Я положил её в рот и похвастался братьям. Сводным и старшим – они вчетвером скрутили меня, вытащили ириску изо рта и поделили между собой, – он хохотал, вспоминая. – А в другой раз братья сказали смазать глаза жгучим перцем – видишь, висит? – он указал на связку крошечных сушеных стручков, ярко-алых. – Сказали – я стану видеть как ястреб.

Перцы оплетали кухонные часы и никогда не покидали поста – я звал их Красным Змеем, ждущим кукушку. Во всех моих детских книгах упоминались часы с кукушкой, но по-настоящему таких часов я никогда не видел. Только у одноклассника, который жил в доме стиля, так называемого «сталинский ампир», который у нас не прижился – такие дома смотрятся павлинами среди кур, нашей серой третьестолочной эклектики, – в гостиной висели часы в виде скворечника, с дверцей и даже пружиной – только без птицы.

Дед говорил, а я качался, как на лианах – поймал конфету и съел.

Я часто думал, что все мои беды началось из-за этой ириски. Она досталась мне через игрушечный бой. Мне не лезли в рот несправедливые пальцы старших братьев, с чёрной каемкой сахалинской земли под ногтями. У меня не было ни братьев, ни сестер.

Здесь пахло лекарствами и невымытым телом. Густой и тяжёлый запах падал на мои спину и плечи, заставлял горбиться и подгибать ноги – даже Долли, которого я нес на руках, пропитался, как вата, больничным воздухом и тянул меня к полу.

– Вы за мужчиной с носом, – мне постучали в спину, будто в квартиру. Носы были у всех, и я на мгновение растерялся.

За свою жизнь я ломал дважды один и тот же, левый, большой палец ноги. Палец заныл и сжался, как ёж, едва я переступил порог травмпункта. В те разы я рассматривал это же квадратное помещение и людей на сетчатых сиденьях вдоль стен.

Многие были пьяны. Они пучили свои наливные глаза с гноем в уголках и выпячивали щёки, колющие от лихорадки. Вокруг каждого из них был зловонный, тёмный пузырь, мыльно-рыбный. Пузыри сливались, пульсировали и глушили разговоры, превращая голоса в гул.

В спину стучал кто-то из них – прополз пальцами, и я передёрнулся от отвращения. Я не видел, но знал – рука в липком пиве и сукровице, вытертой, но не смытой.

Надин Шетти писал – всё, что больше тебя, тебя и поглотит, но я знал об этом и до Шетти. Я вырос в городе, в той благородной бедности, которую могла позволить себе учительница начальных классов с отцом от сохи. У нас была комната, ковры и балалайка в углу за шкафом, которую дед нашёл на помойке и почти починил. Третью стенку была забита книгами. К пятнадцати годам я прочитал их все, даже бесконечного «Петра Первого», и бесчисленное количество раз брал в библиотеке одну и ту же новую, красочную энциклопедию про НЛО.

Я присел на корточки и положил Долли на пол у закрытой двери в приёмную, постучал и пошёл к выходу.

В пять лет я увидел пожар. Это случилось ранней осенью, сухой и безветренной. Горела одна из тех деревяшек в старом городе, что были хилыми и ветхими ещё в девяностые. Покатая крыша выстреливала огни, а меня вели за руку по другой стороне улицы. Ночью я лежал в тёмной комнате, щуря глаза и заставляя красные пузыри, похожие на рыбные икринки, летать по потолку. И плакал. Я думал о том, как удобней будет сорвать со стены фотообои с лесом, на которые я наклеил нарисованных мышей, и где буду жить после. Друзей у меня не было – другие дети были беспросветно тупы, поэтому жить я решил в магазине напротив дома, который назывался «Ковчег». Меня манило это название, и я узнал его значение почти сразу – и дикое, иррациональное смущение начало сковывать меня, раннего атеиста, всякий раз, когда я вспоминал о том случае.

А летом я утонул.

Это было у дачи, в вечерней тихой реке. Я вбежал в воду, как в ванную, ожидая ровное, белое дно, а увидел тёмно-зелёное марево и струйки мальков. Я не плыл, я шагал вниз и вперёд, раздвигая воду руками, точно ветки в волшебном лесу.

Люди начали вставать со стульев. Они приближались, тянули ко мне руки – кто-то схватился за шарф, но я шёл и шарф соскользнул, как рыба, и остался далеко позади.

Я закашлялся и в мой приоткрытый рот влился осиный рой. Осы жалили мои горло и грудь. Осиный комок взлетал вверх-вниз, качая меня в тёмной воде и убаюкивая. Про ангелов в семье не говорили, про них рассказывала соседка по общежитию, у которой были чесоточные ковры. Я увидел ангелов – точь-в-точь такими, как представлял – взрослыми и хмурыми, они кивали головами, тоже тянули ко мне руки и звали туда, где не будет моих мышей.

Я открыл глаза и увидел, как медленно и торжественно – хотя ещё не знал таких слов – ко мне приближалась Луна. Дед раздал последние хлопки по щекам, я что-то выплюнул.

Я прижался к деду и тогда понял, как зла природа, как стремится меня поглотить. Больше я не ходил ни на речку, ни к мосту через овраг. Зато я открыл для себя взлётную полосу поодаль от дач, из неровных бетонных квадратов, заросшую колосками. Я ложился на спину и всматривался в небо – ждал, когда прилетит самолёт, сделанный человеком, на полосу, сделанную человеком, но так ни разу не дождался. Самолёт представлялся мне большим ангелом, чем те, что хотели оставить меня в воде. Через неделю мама забрала меня в город и больше я никогда не видел той дачи.

Дед с дачи не вернулся, и с тех пор почти всё время я проводил у соседки, тётки Гали, пока мама работала. Я рассказал тётке Гале об ангелах, а она рассказала моей маме – мама тогда впервые выпорола меня. Мама была жёлто-кудрявой, вся в чёрном – женщина-оса, она совсем не давала мне мёда.

Меня дёрнули за пальто и скользнули водорослями по спине – я бегу, распахиваю дверь – они остались в воде, люди и ангелы, никто не сбежал за мной по лестнице, через шлагбаум и пост охраны.

Я знал, что успею – не могу не успеть, когда до мастерской всего три остановки, а до Наступающего ещё целый час.

В школе я был выше других на голову, читал больше всех, но в школу я пошёл в восемь, и вот почему.

На пару недель перед школой у меня вдруг у меня начала болеть голова. Я хорошо запомнил тот день – в тот день я впервые остался дома один и сломал радио – по нему шла передача про крушение поездов. Я запаниковал – оказывается, поезда могли сходить с рельсов, а самолёты – падать. Человеческие ангелы тоже оказались злы. Я стал стучаться к соседке, но тётя Галя не открывала. Я тшцетно сдавливал кулаками глазницы, пытаюсь вернуть боль в пределы головы. Я вспомнил, что тётя Галя заваривала крепкий чай с сахаром от головной боли, подставил табуретку и залез в единственный кухонный шкафчик. Заварка нашлась, а вот сахара не было. Огня и газа я боялся, поэтому заварил чай горячей водой из-под крана; но чай не помог.

Голова болела несколько дней – я кутался в одеяло и спал, – и, однажды проснулся, а над моей постелью маячили тётушки, толстые и худые, тёмные, светлые, рыжие – но все кудрявые, похожие на пуделей всех мастей, как на дедушкиных открытках. Они наклонялись и заглядывали мне в лицо, трогали лоб, жалели и отводили глаза. В этот же день меня отвели в крошечную квартиру. Я помню кухню и старушку в платке, её пальцы, крутящие две палочки – хотя мама сказала, что палочки крутятся сами. Старушка сказала, что у меня в голове какое-то яйцо, мама охала и закрывала лицо руками.

– Ты сильно болен, – говорила мама, понижая голос до шёпота, и целовала в лоб.

В нашем доме появились свечи. Много свечей, юбок, платков. В доме стало странно пахнуть – мама говорила, это запах спасения; я ненавидел его, зная, что это пахнет плохо выполненное хозяйственное мыло и застарелый пот.

– Вырастешь – многое станет известно, – качала головой тётя Галя. – Но лучше поменьше об этом.

Доктора я увидел только в школе. А с третьего класса, тайком от мамы и тётки Гали, стал делать прививки вместе со всеми. Я узнал, что могу умереть от ржавого гвоздя или укуса собаки. Тогда я впервые вспомнил деда – ведь, кажется, он единственный из семьи не желал моей смерти.

Меня разоблачили только к седьмому классу. Я, мальчик с последней парты, впервые подружился с Витей из параллельного класса. Это был целый месяц прекрасной весенней дружбы, когда я почти смог поверить в сладкий обман о безвинности и не смертоносном начале природы – Витя жил по соседству, у его отца был гараж, и там мы строили плот. Отец Вити был алкоголиком и автослесарем, а мать – пианисткой и бывшей дворянкой, поэтому, едва она узнала про плот, Вите запретили со мной дружить, – видимо, плот выдали за мою идею, хотя это было не так; а Вите надлежало держать пальцы подальше от молотка, ведь он учился в музыкальной школе.

Я приковылял домой и, промыв ранку на пятке, собирался ковылять за прививкой от столбняка, но меня с тоненькой медицинской картой в руках застали в дверях. Порвав карту, мама отходила меня ремнём, заперла в квартире и отобрала ключи.

Я плакал, я бился в дверь, обитую дерматином, кусал её – я не совсем не хотел умирать. Я баюкал свои мощные лодыжки, нюхал свечки и бросался от книги к книге, открывал последние главы и жадно читал, но вскоре меня поглотило отчаяние – я не мог прочитать их все перед неизбежной смертью от столбняка.

Я был заперт в доме четыре дня – и всё это время не спал. Я лихорадочно выбирал, кем стану, если ржавчина меня не убьёт.

Рано поняв, что мать глупа и плохо образована, я возненавидел невежество, ведь оно тянуло за собой раннюю смерть, и решил сделать всё, чтобы стать хотя бы отдалённо похожим на Витю. Да, я наблюдал за ним исподтишка, ведь он послушно со мной не разговаривал – так, я знал, что он отличник и победил на областном конкурсе пианистов и стал ужасно пухлым, хотя к его возрасту мальчишки, наоборот, вытягиваются. У Вити были коровьи глаза и мелкий, острый нос. Располнев, Витя стал похож на откормленного цыплёнка. Короткие пухлые пальцы сам Витя звал «гадкими» – а они такими и были.

Я записался в школьный хор, но через два месяца ушёл – я приходил домой, падал на диван и, не обедая, спал до вечера; здоровался с мамой, съедал ужин, и опять ложился, уже до утра. Так продолжалось до конца восьмого класса. Я пытался рисовать, но звери и люди выходили плоскими и кривыми, так что несколько недель, пока совсем не стало невозможно, я рисовал одних только мышей, которые получались чуть лучше, чем всё остальное. И я опять пропал в болезненном и бесконечном сне.

Тогда я стал брать книги в библиотеке. Увы! Плебейское воспитание дало о себе знать. Едва унялось естественное детское любопытство, так стало сказываться отсутствие привычки – я редко мог вытерпеть более двух страниц в день.

Я утащил из библиотеки книжку про НЛО – мама и тётя Галя верили в инопланетян; стало быть, это было абсолютнейшей чушью, и книгу я мог спокойно читать. Её я и перечитывал – сотни раз, за едой, лёжа в ванной и перед сном.

Энциклопедии я не брал после урока естествознания о солнечной системе. Нона Борисовна рассказывала, что Солнце погаснет через миллионы лет. Я заткнул уши, отпросился в туалет и там вдоволь наплакался. Если не читать про движение тектонических плит – их, вроде, и не существует.

И всё равно до конца школы я оставался умней остальных детей. Витю же я считал не совсем настоящим человеком, ведь его успехи были как бы навязаны, а самому Вите, кажется, совсем не нужны – к тому же он повторял ноты, уже кем-то придуманные, а мои мыши, пусть и выходили криволапыми, были совершенно новым видом мышей. Это и ставило меня выше Вити и других детей, которым образование было дано с пелёнок, но в которых не сидел червяк сомнения; деятельных, но пустых. О, сколько раз я смотрел на плоды их трудов – они пели, танцевали, играли и рисовали; кто-то с неохотой, по требованию родителей, другие – самозабвенно. Но ни с кем из них не шла смерть рука об руку; никто не видел, как близко к нам подобрался Наступающий Океан.

Моя первая любовь, новенькая одноклассница, закончилась быстро и совершенно бесславно. Я слагал плохие стихи – и сейчас помню; однако, я быстро закрыл эту лакуну. Аня была высокой, кудрявой и плотной – в стихах я обращался к ней Брунгильда, воительница.

Прозвенел звонок. Мы остались одни в коридоре – от физкультуры я был освобождён, а Брунгильда тянула время, чтобы зайти как можно позже других.

– Глаза, нельзя, Брунгильда, – я успел прочитать стихи.

– Баклажка, уехал, в пень, – и Брунгильда пропала, так и не пробудившись ото сна.

Я перешёл в выпускной класс, когда в нашем доме появился телевизор – наверное, позже, чем у многих других.

– Считайте меня дикарём, считайте, что я рос в тихой и почти сытой гавани – но я разбил телевизор через неделю, как разбил злое радио. Я избивал его молотком, мелькнула мысль этим же молотком приложить тётю Галю, которая отдала эту машину в наш тихий дом.

Я произнёс это вслух, тем самым вливая воспоминания в теперешний шаг, я раскинул руки и улыбнулся.

Я представлял Ельцина по обрывкам взрослых разговоров, похожим на Манджафоко, с чёрной бородой, тяжёлой, как и его фамилия – а он оказался седым и – это потрясло меня окончательно – безбородым, с гладкими, восковыми щеками.

Я не ходил в школу. Я смотрел новости.

Они смотрят новости и не разбивают этот Гермесов ящик. Значит, смотрят его в полусне – ведь только так можно смотреть без страха даже на собственный потолок, который совсем не защитит, только так возможно существовать в своём ненадёжном, единственном теле.

Книжка Надина Шетти – на английском – была у бабушки Эльзы, хотя для Вити она называлась мамой. Я никогда не видел таких старых мам. Письмо от бабушки Эльзы с просьбой прийти принёс почтальон, пока мамы не было дома – сомневаюсь, что иначе мама отдала бы его мне.

Дом был роскошный снаружи, а лестницы были не из бетона, а из какого-то гладкого камня. Я открыл дверь. Бабушка Эльза стояла в коридоре, пучила глаза, качала головой, улыбалась и беззвучно кричала, будто выпускала воздух из надувного мяча.

Она стояла посреди оборванных стен, в совершенно нищенской шали и тапочках, с растрёпанными седыми волосами и опухшим лицом. Бабушка Эльза была пьяна и, кажется, плохо понимала, кого позвала в гости.

Несколько раз, заходя к одноклассникам за тетрадками, я подсматривал за иной жизнью – за чистыми и светлыми квартирами, за усатыми отцами и причёсанными матерями с сережками, треугольными платьями и брошками; я гладил толстых котов и слышал пение канареек. Иногда меня кормили супом, и это были самые вкусные супы на свете. Они ненавидели свои скрипки и танцы, но умели играть и танцевать; они собирали самолёты и играли в футбол (хотя я и считал это пустой тратой времени).

Я возвращался и видел наши скромные стены, крашенные в тускло-зелёный, абажур из цветных ниток и вяленую рыжую белку на кресле; залезал в холодильник, брал яблоко (если было) и со злостью съедал. Это должно было достаться мне, я – настоящий; это я думаю, это мне, а не им, нужны и знания, и таланты, и светлые стены. Но потом я поднимал голову и расправлял плечи – они, дети безвольных теплиц, не могли ни знать, ни чувствовать того, что чувствую я. И это, опять же, ставило меня ещё выше.

Теперь я смотрел на изорванный, потасканный коридор и думал – насколько же тогда выше и величественней меня бабушка Эльза?

– Виталин умер, умер, – разобрал я фразу, которую она выдыхала снова и снова. Она махала правой рукой, будто смахивала пыль со стены – я не сразу понял, что она показывает на портрет. – Это Вальтер Беллер, мой прадед, – сказала она. – Он основал музыкальную школу в Саратове. Виталин был совсем не похож на прадеда. Весь в отца. Ты видел его мерзкие пальцы? Толстые пальцы, пьянство и лень! Вальтер Беллер... он сейчас в гробу вертится! Викторин предал семью... великого предка...

– Что случилось? – я закрыл дверь и отвёл бабушку Эльзу в зал, усадив за круглый обшарпанный столик. Зал был выставлен – окно разбито, пианино изуродовано, в клавишах застряли щепки от поломанных стульев.

– Я пришла с работы, – сказала бабушка Эльза, – а Виталин пил с отцом. Они уже несколько лет только пьют и дерутся... А тут терпение лопнуло. Виталина выгнали из училища! А ведь я там преподаю...

Она нырнула под стол и достала трёхлитровую банку, разлила по кружкам вино и наполовину разбавила минералкой, протянув мне кружку. «По-гречески» – сказала она, но я не думаю, что греки пили такую кислятину. Тогда я выпил впервые – всего глоток, и это было отвратительно.

У бабушки Эльзы дрожали руки, вино залило стол, шаль и тахту. Она вытащила пачку «Явы», всё так же дрожа прикурила и затянулась, наполнив зал дымом и вонью. Она расправила шаль и потрясла коробком с бирюзовыми длинными спичками.

– Я пришла, а они кричат. И я – кричать. Что отцу нужно работать, а Виталину – учиться, а то они с отцом постоянно всякую чушь придумывали вместо дел. В этот раз спустили деньги на куриц. Четырёх несушек, ты можешь себе представить большую глупость? Они хотели держать их на балконе, а яйца продавать – а куры подошли от холода, тупицы гуманитарные. А после – я и сама не знаю, как это вышло, отец ему – хлоп – стулом, хлоп – по голове, а сам – в окошко! Хлоп – надежду нашего рода!

У подъезда моего дома стояла толпа ребят. Почти все были младше меня, притихшие и серьезные. Я зашёл в арку, протянул руку, нащупал металлическое колечко и вытащил из щели между кирпичами два ключа от комнаты, которая теперь служила только лишь мастерской – длинный круглый и плоский.

Я вошёл. Ребята стояли вереницей по серпантину широкой лестницы и смотрели наверх.

– Илья, Илья, – раздавалось то тут, то там. Я оробел, решив, что все эти люди зовут меня, но, пройдя до четвертого этажа, увидел – из квартиры выносят гроб.

Я перевалился через перила вместе со всеми, и смотрел, как лицо того, другого Ильи уносит лестничный поворот.

Он качался, словно викинг в ладье – бледный, с ввалившимся подбородком и нелепой бумажкой на лбу.

Я вглядывался в его лицо, невольно ища свои собственные черты – находил, – и сам себе стал казаться игрушечным. Ребята начали спускаться вслед, а я вошёл в коридор и повернул ключ в замке.

В мастерской было пыльно, но намного светлей, чем когда я перемещался во сне. Скафандр был готов. Я развернул поддон, прикрутил кислородный баллон, поставил табуретку, залез в скафандр и закрыл люк.